

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсянико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

23-го Іюля 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 10

Редакція № закончена 21 іюля

Политическій моментъ.

Выборгскій post-парламентъ остается внѣ предѣловъ обсуждения и оцѣнки: монополія полемики съ нимъ предоставлена официозной „Россіи“ и г.г. губернаторамъ. Одно напечатаніе текста извѣстнаго воззванія бывшихъ депутатовъ къ народу влечетъ за собой пріостановку изданія и опечатаніе типографіи. Могло возникнуть сомнѣніе, получитъ ли воззваніе распространеніе въ народѣ, даже при успѣхѣ имѣвшихъ мѣсто захватовъ типографій для его напечатанія, но на помощь приходятъ г.г. губернаторы, въ своихъ воззваніяхъ оповѣщающіе населеніе „вѣранныхъ имъ губерній“ о содержаніи Выборгскаго воззванія. Вопросъ о томъ, откликнется ли населеніе на призывъ г.г. губернаторовъ къ „терпѣливому ожиданію“, или болѣе сильное впечатлѣніе на него произведетъ сопровождающее призывъ изложеніе Выборгскаго воззванія, этотъ вопросъ остается до поры до времени открытымъ... Въ настоящій моментъ не можетъ быть выясненъ съ необходимой полнотой и во всеоружіи фактическихъ данныхъ вопросъ о томъ, отчего на Выборгскомъ совѣщаніи избрана была опредѣленная форма обращенія къ народу, а не могла быть произнесена и поддержана общимъ единодушнымъ сочувствіемъ историческая фраза Мирабо—„dites à votre maitre“... Но нельзя отрицать того, что для подобнаго шага не хватало не того, что можно назвать рѣшимостью „идти до конца“, а того моральнаго оправданія, какое дается рѣшительнымъ дѣйствіямъ поры-

вомъ національнаго объединенія и нерасторжимой скрѣпой интенсивно прочувствованной солидарности... Охотникамъ поставить роспускъ Государственной Думы на счетъ „кадетской тактики“—мы противопоставляемъ утвержденіе, что только неуспѣхъ этой тактики въ созданіи того, что Драгомановъ называлъ „единодушнымъ отрицаніемъ стараго порядка и отчетливымъ требованіемъ новыхъ учреждений, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ“,—могъ привести къ роспуску Думы и къ тому положенію вещей, которое создано на Выборгскомъ совѣщаніи.

Въ Думѣ единство передъ осуществленіемъ исторической національной задачи разлагалось слѣпой доктринерской критикой различныхъ группъ, не пришедшихъ къ убѣжденію въ несвоевременности выдвиганія какихъ-либо частныхъ задачъ, хотя бы то были и великіе классовые интересы трудящихся массъ. Въ странѣ вмѣсто интенсивной работы сложенія общественныхъ силъ для мощной поддержки Думы—выдвигалась необходимость дифференціаціи и классовой борьбы, какъ прогрессивной силы. А въ результатѣ—въ Выборгѣ не создано общенациональнаго единства, диктующаго тотъ шагъ, котораго многіе ждали при извѣстіи о выѣздѣ бывшихъ членовъ Госуд. Думы—въ Выборгъ...

Грядущее—темно. Осторожный и сдержанный бывший предсѣдатель Госуд. Думы—С. А. Муромцевъ въ бесѣдѣ съ иностраннымъ журналистомъ сказалъ, что онъ „еще не составилъ опредѣленнаго мнѣнія“ о роспускѣ Думы. То же можно сказать и о Выборгскомъ воззваніи, на вопросъ о которомъ г. Муромцевъ отвѣчалъ: „То, что я сдѣлалъ, — сдѣлалъ“.

То, что сдѣлано—сдѣлано, а—пользуемся опять словами г. Муромцева—„русскій народъ тяжель на подъемъ“... Министерство, по удачному выраженію „Рѣчи“, занимается разрѣшеніемъ неразрѣшимой задачи—квадратуры круга, желая привлечь въ составъ кабинета общественныхъ дѣятелей. „Мирные об-

новители“, занявъ позицію, допускающую и пріемъ министерскихъ портфелей, инстинктивно чувствуютъ, что перестанутъ быть общественными дѣятелями и обратятся въ обыкновенныхъ бюрократовъ — враговъ обновленія родины и освобожденія народа съ того момента, какъ вступятъ въ составъ нынѣшняго кабинета—борьбы съ народнымъ представительствомъ. Заявленія официозной „Россіи“ о томъ, что „ни о какой реакціи не возникаетъ и рѣчи“, не производятъ на общество никакого впечатлѣнія, ибо оно хорошо знаетъ цѣну и смыслъ подобныхъ заявленій, да къ тому же ежедневно видитъ и то, что „либерализмъ“ министерства остается вывѣской, а на дѣлѣ — реакція въ полномъ ходу. Положеніе вещей до осязательности очевидно, его понимаютъ даже иностранцы: „не можетъ быть никакого недоумѣнія относительно намѣренія новаго министра,—пишетъ „The Daily News“,—„революціонеры“ должны быть сокрушены, а революціонерами русское правительство считаетъ всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за политическую свободу въ Россіи“. При такомъ положеніи вещей, если и оправдаются слухи о готовности кое-кого изъ общественныхъ дѣятелей войти на извѣстныхъ условіяхъ въ составъ Столыпинскаго кабинета, никакихъ новыхъ политическихъ перспективъ этимъ не откроется. „Кабинетъ“ не пріобрѣтетъ общественныхъ симпатій, а общественная карьера „дѣятелей“ потерпитъ полное крушеніе, отъ котораго никогда не оправится. Не въ поддержкѣ нынѣшняго правительства, легкомысленно подвергшаго страну опасности тяжелыхъ потрясеній, путь къ успокоенію и обновленію страны. Опасность въ томъ, что страна въ смутный періодъ на 7 мѣсяцевъ лишена организующаго центра, какимъ было молодое народное представительство, опасность въ томъ, что вмѣсто нарождающихся гражданъ передъ нами опять разсыпавшаяся хранина, людская пыль... Энергія общественныхъ дѣятелей должна быть цѣликомъ направлена на дѣло собранія и организациі на-

родныхъ силъ, которыя должны противостоять быстро прогрессирующимъ разложенію и анархіи. Если эта задача будетъ успѣшно выполнена, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что народное представительство будетъ восстановлено раньше 20 февраля. „La Douma est morte, vive la Douma!“— эти историческія слова главы англійскаго правительства должны стать лозунгомъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, а подобный лозунгъ ведетъ не въ министерство, способствовавшее преждевременной кончинѣ Государственной Думы, а—противъ министерства. Можетъ быть, не случайно созывъ новой Государственной Думы назначенъ на 20 февраля, являющееся годовщиной нашей „конституціи“. Совершенно очевидно, что въ рамкахъ этой „конституціи“ новая Государственная Дума будетъ снова бѣльмомъ на глазу у сторонниковъ сохраненія архаическихъ формъ государственной организаціи. Оппозиціонная сила новой Думы опять поставитъ на очередь вопросъ, или объ удовлетвореніи ея требованій, т. е. прежде всего объ образованіи отвѣтственнаго передъ Думой министерства изъ ея большинства, или... снова о роспускѣ Думы. А такъ какъ повторять одно и то же *ad infinitum* немисливо, то при рѣшимости противиться голосу народнаго представительства придется думать о полномъ избавленіи отъ него, что было бы государственнымъ переворотомъ. И общественные дѣятели, которые нынѣ взялись бы оказать помощь столыпинскому кабинету, въ концѣ концовъ увидѣли бы, что оказали свое просвѣщенное содѣйствіе такому перевороту. „Мужество“ г. Столыпина, воспѣтое „Новымъ Временемъ“, несомнѣнно, идетъ впереди его „государственной мудрости“ и можно не сомнѣваться, что задача—получить „послушную“ Думу, оказавшаяся непосильной для графа Витте, споспѣшествуемаго гг. Дурново и Акимовымъ, окажется не въ меньшей мѣрѣ неисполнимой и для г. Столыпина... Но и осуществленіе подобной задачи сулило бы мало хорошаго: „послушная“ Дума подорвала бы

кредитъ не идеи народнаго представительства, а только глухой къ голосу народной нужды Думы. Народъ, потерявъ надежду достигнуть удовлетворенія этой нужды въ порядкѣ закономѣрности, достигъ бы необходимаго „въ порядкѣ отчаянія“. Роспускъ Думы до чрезвычайности понизилъ курсъ шансовъ „порядка закономѣрности“, онъ упалъ много ниже курса государственной ренты... Этимъ характеризуется переживаемый острый, несмотря на относительное затишье *), политическій моментъ.

Мих. Могилянскій.

---

*) Статья написана до Свеаборгскихъ и Кронштадтскихъ событій.

На очереди.

Еще недавно борьба за политическую свободу заслоняла и оставляла въ тѣни всѣ другіе вопросы, съ которыми неразрывно связано дѣло освобожденія. Самодержавный режимъ, точно огромное бревно, лежалъ на пути къ лучшему будущему, и какой бы стороной народной жизни ни занялась теоретическая мысль,---она неизбѣжно упиралась въ этотъ тупой переулочекъ. Всѣмъ стало ясно, что проклятье нищеты и вырожденія будетъ висѣть надъ страной до тѣхъ поръ, пока не разрушится заслоняющая солнце свободы стѣна. Но чѣмъ быстрѣе приближался этотъ мигъ, чѣмъ упорнѣе кипѣла борьба—тѣмъ шире и сложнѣе она становилась. Въ чисто политическую революцію вплетались другіе мотивы. Массы народа стали бороться не только за *политическую* свободу, но одновременно и главнымъ образомъ за величайшую *соціальную* реформу—за право крестьянства на землю. Национальный мотивъ—стремленіе угнетенныхъ старымъ режимомъ зажить своей свободной, самостоятельной жизнью—въ значительно меньшей степени осложнилъ политическое движеніе.

Съ началомъ работъ Государственной Думы надежда на скорое разрѣшеніе угнетающаго всю нашу жизнь кризиса значительно выросла. Вѣрилось, что не „желѣзомъ и кровью“ будетъ рѣшена вѣковая тяжба свободы и произвола, а борьбой партій и парламентскими дискуссіями. Началась съ лихорадочной быстротой выработка проектовъ реформъ, кото-

рия должны были обновить Россію. Разумѣется, и національный вопросъ не долженъ былъ отставать отъ другихъ, и разработка его не могла быть отложена „на другой день послѣ побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ“. Въ этотъ именно моментъ возникъ „Украинскій Вѣстникъ“. Его скромная трибуна обращена не столько къ родному народу, сколько къ русскому образованному обществу, которое, казалось, призвано было „рѣшить и вязать“.

Теперь Думы нѣтъ. Всѣ ходы спутаны. Страна снова вступаетъ въ періодъ игры стихійныхъ, невѣдомыхъ силъ. Снова тускнѣетъ и исчезаетъ въ дали вся сложная перспектива будущаго возрожденія, и только ярко вырисовывается тупая стѣна, неуклюжее „бревно“ русской жизни и привлекаетъ къ себѣ всю ярость, всю силу прибора оппозиционныхъ волнъ... Неудобное, тяжелое время для разработки національныхъ вопросовъ! Но все-таки, что же дальше? Что дѣлать людямъ, которые стремятся не только разбить цѣпи политическаго рабства, но и создать условія для національнаго возрожденія своего несчастнаго, задавленнаго солдатскимъ сапогомъ стараго режима народа? Намъ думается, что даже поверхностный анализъ только что пережитаго момента даетъ опредѣленные указанія, куда идти.

Читатели наши, вѣроятно, знаютъ, что даже либеральные и демократически настроенные элементы русскаго общества далеко не одинаково относятся къ автономіи различныхъ народностей. Отрицаніе за польскимъ народомъ права на автономію—это, разумѣется, считается въ либеральныхъ кругахъ „дурнымъ тономъ“, чуть ли не поворотнымъ пунктомъ къ „черносотенству“. Но попробуйте заговорить въ тѣхъ же кругахъ объ автономіи и правѣ на самостоятельную жизнь украинскаго народа, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ и рѣшенномъ, и вы, навѣрное, увидите знаки недоумѣнія. Что это значитъ? Чѣмъ объясняется это не только интересное, но и очень важное для насъ, украинцевъ, яв-

леніе? Казалось бы, логическій выводъ не Богъ вѣсть какой трудности: *каждый* народъ имѣетъ право на самостоятельную культурную жизнь, а, слѣдовательно... и т. д. Но все дѣло въ томъ, что политическая мысль двигается не столько по правиламъ логики, сколько подъ напоромъ жизненныхъ фактовъ, подъ давленіемъ могучихъ народныхъ движеній. Такое могучее движеніе вынесло на поверхность политической жизни требованіе земли для крестьянства. И земля ему рано или поздно будетъ дана не потому, что это „справедливо“, что такъ велитъ „нравственный долгъ“, а просто потому, что безъ этой радикальной реформы жизнь станетъ невыносимой, невозможной. Мы взяли самый яркій примѣръ. Но то же самое примѣнимо и къ вопросу о польской автономіи. За ея требованіемъ стоитъ крупная реальная сила—широкое народное движеніе въ пользу автономіи. Даже такое явленіе, какъ успѣхъ на выборахъ въ Польшѣ реакціонной и вовсе не демократической партіи „народовыхъ демократовъ“, нельзя объяснять только воздержаніемъ отъ выборовъ прогрессивныхъ партій и бичами военного положенія. Протестъ противъ обрусительныхъ насилій въ Польшѣ и потребность свободно зажечь своей культурной жизнью такъ глубоко укоренились въ сознаніи польскаго населенія, что часть его готова была примириться съ феодально-реакціонными замашками „народовцевъ“, лишь бы по большому для всѣхъ вопросу эта Валамова ослица заговорила человѣческимъ языкомъ...

Ну, а какія силы стоятъ за требованіемъ автономіи украинскаго народа? Имѣется ли на лицо въ ея пользу *широкое народное* движеніе? Къ сожалѣнію, нѣтъ... Теоретически и логически безупречно поставленный вопросъ объ украинской автономіи лелѣялся немногочисленными интеллигентскими кружками. Немногочисленными потому, что громадное большинство интеллигенціи, украинской по происхожденію, потеряло связь со своимъ народомъ и оконча-

тельно обрусѣло. А народъ, тѣ самые широкіе слои трудового крестьянства, для которыхъ нужна автономія, не имѣютъ о ней никакого понятія. Даже больше. Отсюда иногда раздаются даже голоса—какая иронія судьбы!—противъ польской автономіи, противъ равноправія евреевъ. Мысль крестьянина никогда не останавливалась надъ этими понятіями, никогда не работала надъ вопросами объ автономіи, федеративномъ устройствѣ страны и т. п. А все новое, неизвѣстное пугаетъ человѣка, отталкиваетъ его. Но достаточно было тѣмъ же рядовымъ крестьянамъ Подоліи и Вольни, которые случайно попали въ составъ перваго русскаго парламента, продумать хорошенько вопросъ объ автономіи, послушать нѣсколько разъ аргументы автономистовъ,—и они становились убѣжденными защитниками автономіи.

Самодержавная бюрократія долго и старательно рыла пропасть между образованными слоями и бѣднѣйшими классами населяющихъ Россію народовъ. Ей мы обязаны тѣмъ, что у украинскаго народа такъ мало своей *національной* интеллигенціи. Но вотъ въ минувшую избирательную кампанію была впервые въ широкихъ размѣрахъ сдѣлана попытка перекинуть мостъ черезъ эту пропасть, была создана нѣкоторая, правда очень незначительная, возможность для интеллигенціи прикоснуться къ своему народу. Къ сожалѣнію, предвыборная агитація и вообще вся избирательная кампанія прошла исключительно подъ флагомъ политическаго освобожденія и земельной реформы. Въ народную массу не были брошены лозунги національнаго возрожденія, и украинскій народъ не созналъ еще себя *національностью*. Депутаты съ территоріи Украины явились въ Думу съ однимъ только наказомъ отъ своихъ избирателей—„добыть землю и волю“. Въ простѣйшую формулу общерусскаго освобожденія не были вплетены національные мотивы. Этимъ объясняются многіе недочеты въ организациі украинской группы въ Думѣ и ея сравнительно слабая дѣятельность, несмотря на то, что

въ ея составъ входили какъ видные дѣятели украинской интеллигенціи, такъ и горячіе, сознательные патріоты изъ народныхъ низовъ.

Кратковременная дѣятельность перваго русскаго парламента должна была открыть глаза самымъ ослѣпленнымъ поклонникамъ централизма. Не только при обсужденіи аграрнаго вопроса, но и во многихъ другихъ случаяхъ становилось ясно, что нѣтъ возможности выработать одинаковыя законодательныя нормы для колоссальной „имперіи народовъ“—„отъ Алтая до Днѣпра“. Въ помощь центральному представительству должны быть какъ можно скорѣе созданы мѣстные представительства автономныхъ областей. Всю тяжесть грандіозной работы полного обновленія страны едва ли въ состояніи вынести центральный законодательный органъ.

Если мы теперь возвратимся къ поставленному раньше вопросу: что же дальше?—то отвѣтъ на него болѣе или менѣе выясняется. Вынести движеніе въ пользу автономіи и національнаго возрожденія изъ интеллигентскихъ кружковъ въ широкія массы украинскаго народа, демократизировать его—такова должна быть основная задача. Для этого необходимо воспользоваться какъ можно полнѣе предстоящей избирательной кампаніей.—Гаданія о томъ, „снесетъ“ ли или „не снесетъ“ революціонная „волна“ „Столыпинскую“ Думу—должны быть оставлены... Стихийные взрывы въ лучшемъ случаѣ совершаютъ необходимую работу разрушенія, но они безсильны въ творествѣ, въ созиданіи. Здѣсь вступаетъ въ свои права сознательная политическая дѣятельность. Самоубійственная политика бойкота, вѣроятно, будетъ окончательно отброшена крайними партіями, и въ избирательной кампаніи рядомъ съ радикально-демократической партіей примутъ участіе ея болѣе лѣвыя сосѣдки. Нужно стараться, чтобы, несмотря на всю любовь интеллигентскихъ кружковъ къ разнаго рода „отмежеваніямъ“ другъ отъ друга, были созданы общіе лозунги и общія отправныя точки для агитаціи. На этотъ разъ,

кромѣ требованія политическаго освобожденія, необходимо рѣшительно выставить и бросить въ широкія массы избирателей требованія *національной самостоятельности*. Всѣ разногласія въ земельномъ вопросѣ могутъ быть легко примирены на общемъ *демократическомъ* лозунгѣ формальнаго характера—передать дѣло земельной реформы на Украинѣ въ руки областного сейма, созданнаго по четырехъ-членной формулѣ всеобщаго избирательнаго права. Противъ такого рѣшенія не могутъ протестовать ни сторонники національнаго земельного фонда, ни индивидуалисты, стоящіе за надѣленіе земель въ собственность.

Мы намѣчаемъ только то общее направленіе, по которому должна двигаться политическая дѣятельность на Украинѣ. Частности и детали—дѣло мѣстныхъ организацій и дѣятелей. Во всякомъ случаѣ безспорно то, что дѣло украинскаго національнаго возрожденія должно вступить въ новую фазу своего развитія. Изъ интеллигентскихъ кружковъ, изъ кабинетовъ ученыхъ оно должно выйти на улицы городовъ, въ хаты сель и деревень. Теоретическая мысль должна прояснить и одухотворить смутныя и стихійно сознаваемая народныя потребности. Отъ прикосновенія къ народнымъ массамъ она получитъ новыя могучія силы.

Новые методы дѣятельности потребуютъ и новыхъ людей. По странной ироніи судьбы, научная и литературная сторона украинскаго національнаго движенія сосредоточивалась за границей, въ Галиціи. Русская Украина имѣла своихъ литераторовъ, пожалуй даже ученыхъ, но почти всѣмъ не имѣла активныхъ политическихъ дѣятелей. Теперь нужно стремиться къ тому, чтобы національное украинское движеніе—да не покажется это парадоксомъ!—*націонализовалось*. И нѣсколько книжный языкъ съ сильно замѣтнымъ галицкимъ вліяніемъ, и книжный характеръ политическихъ программъ и схемъ—должны быть приспособлены къ мѣстной, украинской жизни, къ ея строю и потребностямъ. И

уже выдвигается тотъ кадръ людей, горячихъ патриотовъ и истинныхъ демократовъ, которымъ безконечно дорого національное будущее своего народа, и руками которыхъ оно въ значительной мѣрѣ будетъ создано. Это—вышедшая изъ народа и близкая ему по плоти и духу крестьянская интеллигенція, заполняющая ряды такъ называемаго „третьяго элемента“.

Украинскому національному движенію принадлежитъ огромное будущее. 25-милліонный народъ, сознавъ себя національностью, не можетъ не стремиться къ самостоятельной культурной жизни, къ извѣстной самостоятельности и въ политической жизни. Борьба за автономію Украины и за федеративное устройство Россіи еще только что начинается. И нѣтъ сомнѣнія, что она разгорится въ могучее народное движеніе.

„Мы отнюдь не романтики XX вѣка и всего менѣе археологи въ политикѣ“, писалъ 26 мая въ „Рѣчи“ проф. Е. Н. Щепкинъ, одинъ изъ истолкователей философіи кадетской партіи—одно время очень близкой къ власти. Этотъ намекъ могутъ принять на свой счетъ сторонники автономіи Украины. Но можно ли будетъ серьезному политику такъ отмахнуться отъ серьезнаго вопроса, когда за нимъ будутъ стоять не кружки кабинетныхъ „романтиковъ“, а общенародное мощное движеніе? Примѣръ Польши да послужитъ намъ указаніемъ.

Н. Долинскій.

Какъ хасаждається ха Украихъ ихтексивная культура.

При обсужденіи аграрнаго вопроса и въ литературѣ, и въ обществѣ, и между прочимъ въ Государственной Думѣ однимъ изъ довольно вѣскихъ доводовъ въ пользу неотчуждаемости частновладѣльческихъ земель выдвигается обычно „интенсивная культура“, разсадникомъ которой, по общепринятому мнѣнію, въ настоящее время у насъ являются исключительно крупныя частновладѣльческія владѣнія, а съ упраздненіемъ послѣднихъ—державѣ россійской грозитъ неизбежно всеобщее пониженіе сельско-хозяйственной культуры. Это опасеніе раздѣляютъ не только Стишинскій и Гурко, лишь прикрывающіе заботой объ интенсивной культурѣ опасенія совершенно иного рода, но и многіе, повидимому, искренно убѣжденные люди, для которыхъ судьба дальнѣйшаго народнаго благосостоянія не безразлична. Но значительная доля лицъ послѣдней категоріи, отстаивающихъ сохраненіе крупнаго частновладѣльческаго хозяйства во имя высшей культуры, поддается невольному, быть можетъ, самообману, идеализируя предполагаемую необходимость, какъ дѣйствительное, неизмѣнно существующее явленіе. Разъ существуетъ крупное имѣніе, съ рационально поставленнымъ хозяйствомъ, съ усовершенствованными орудіями, машинами и отборными сѣменами, то этимъ самымъ данное владѣніе необходимо должно развивать интенсивную культуру и оказывать самое

благодѣтельное вліяніе на окрестное населеніе. Вліяніе это предполагается настолько благодѣтельнымъ, что многіе не только земледѣльцы, но и повидимому объективные изслѣдователи (напр. Кауфманъ) совѣтуютъ крестьянамъ вовсе отказаться отъ раздѣла между ними крупныхъ частновладѣльческихъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, владѣній, такъ какъ эта операція окажется для нихъ не только мало выгодной, но даже крайне убыточной. Мы не станемъ говорить въ настоящей краткой замѣткѣ, насколько согласуется съ истиной такой взглядъ, — отвѣтъ на него былъ данъ въ достаточной мѣрѣ не только въ прессѣ, но и въ рѣчахъ членовъ Думы, преимущественно крестьянъ (укажемъ, напр., на Грабовецкаго), которымъ лучше, чѣмъ кому-либо иному, знать, какой способъ землевладѣнія для нихъ выгоденъ, а какой не выгоденъ, — цѣлью нашей замѣтки будетъ отмѣтить одинъ въ высшей степени поучительный образецъ насажденія „интенсивной культуры“ однимъ „образцовымъ“ крупнымъ владѣльцемъ, владѣющимъ болѣе чѣмъ 11 тысячами десятинъ земли въ одномъ изъ богатныхъ уголковъ Украины — въ южной части Кіевской губ., въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Владѣлецъ этотъ — графъ Андрей Потоцкій, — не тотъ, который стрѣлялъ и выстрѣломъ убилъ крестьянскую дѣвушку, а галицкій намѣстникъ, никогда не заглядывающій въ свои латифундіи, а предоставившій своимъ управляющимъ *carte blanche* на веденіе всякихъ не только хозяйственныхъ, но и юридическихъ дѣлъ. Этимъ же управляющимъ предоставлено насаждать также „интенсивную культуру“ среди мѣстнаго населенія. О томъ, какъ ее насаждаютъ, будетъ рѣчь ниже, а предварительно необходимо дать нѣсколько историческихъ справокъ.

Владѣнія гр. Потоцкаго — 11 тысячъ десятинъ въ юго-западной части Звенигородскаго у. — являются ничтожнымъ сравнительно остаткомъ того грандіознаго владѣнія графовъ Потоцкихъ еще съ конца XVII ст., которое обнимало не только Звенигородскій уѣздъ, но и сосѣдніе: Уманскій, Каневскій,

Липовецкій, Бердичевскій и др.. Это было цѣлое королевство въ королевствѣ. Съ начала XVIII ст. сплошная территорія графовъ Потоцкихъ начала дробиться, а послѣ возстанія 1863 года она очутилась во владѣніи „русскихъ“ людей—гр. Шуваловыхъ, кн. Долгорукихъ и т. п. Осталось у гр. Потоцкихъ 11 тысячъ съ лишнимъ десятинъ (три села: Кобринова, Гусакова и Залѣское). Въ 1865 году гр. Потоцкій, сохранивъ сладкія воспоминанія о недавнемъ прошломъ, когда онъ былъ владѣльцемъ душъ и тѣлесъ человѣческихъ, предпринялъ походъ на крестьянъ упомянутыхъ трехъ сель—благо, что понятія о неприкосновенности частной собственности не внесены были въ то время въ кодексъ политической морали. У этихъ крестьянъ съ незапамятныхъ временъ, еще съ начала XVIII ст., были собственные фруктовые сады, приносившіе имъ значительный доходъ, но послѣ надѣленія крестьянъ землей оказавшіеся окруженными помѣщичьимъ лѣсомъ. Гр. Потоцкому захотѣлось округлить свои владѣнія, а на его счастье въ 1865 году изданъ былъ законъ, гласящій, что если среди помѣщичьей земли окажется крестьянская земля, то помѣщикъ, съ разрѣшенія губернатора, можетъ „вывести“ крестьянъ изъ ихъ владѣній. Десять лѣтъ тянулось дѣло о „выводѣ“, но безрезультатно для графа; въ 1878 году графъ снова началъ дѣло, и когда губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе передало его на усмотрѣніе съѣзда мировыхъ посредниковъ, то послѣдніе, сидя за графскимъ столомъ съ обильными яствами и питіями, постановили вывести крестьянъ с. Кобриновой, Гусаковой и Залѣскаго изъ предѣловъ владѣнія гр. Потоцкаго, давъ имъ, взаменъ садовъ—пахотную землю. Въ 1886 году приведено въ исполненіе постановленіе мировыхъ посредниковъ: составленъ былъ актъ о выводѣ крестьянъ изъ садовъ и лѣсовъ, но крестьяне на такой обмѣнъ ни согласія, ни подписей своихъ подъ актомъ не дали. Слыханное ли дѣло: за десятину богатѣйшаго, плодороднаго сада получить десятину голой,

хотя бы наилучшей земли! Но дѣло-то въ томъ, что земля въ обмѣнъ на сады отведена была графомъ крестьянамъ въ размѣрѣ даже меньшемъ противъ количества садовъ и на такихъ недоступныхъ горахъ, уклонахъ да оврагахъ, и притомъ, понятно, такого качества, что даже и въ случаѣ согласія крестьянъ на обмѣнъ никто изъ нихъ не могъ бы съ такимъ обмѣномъ примириться. Крестьяне къ отведеннымъ пустырямъ и не прикасались, а продолжали, какъ давніе владѣльцы садовъ, пользоваться послѣдними, оплачивая ихъ повинностями, какъ свою собственность. Такое странное положеніе тянулось до декабря 1905 года, когда администрація имѣнія гр. Потоцкаго провоцировала крестьянъ, разрѣшивъ рубить въ садахъ деревья. Какой оборотъ послѣ этого съ графской помощью приняло дѣло—объ этомъ повѣствуютъ мѣстные корреспонденты *). „Какъ только крестьяне свезли дерево въ свои дворы,—словно снѣгъ на голову, налетаетъ отрядъ полицейскихъ и драгунъ, и не спрашивая, что и къ чему,—начинаетъ „учить“ всѣхъ подъ рядъ. Люди вразсыпную: въ поле и въ лѣсъ разбѣжались; добро свое, у кого какое было, въ землю зарываютъ... плачь, крикъ, рыданія по всему селу раздаются,—можно было подумать, что непріятельскій отрядъ занялъ село... Приѣхалъ на другой день и „непремѣнный членъ“ изъ Кіева, но на всѣ недоумѣнія и вопросы давалъ одинъ стереотипный отвѣтъ: „я приѣхалъ съ вами не объясняться, а шкуры драть...“ Вотъ и юридическое обоснованіе претензіямъ „культуртрегера“ графа Потоцкаго, насадителя культуры въ цѣлой странѣ—Галичинѣ! Но это еще не все: „интенсивная“ культура насаждена была немного спустя, а именно 2 мая 1906 года. Это насажденіе такъ поучительно и назидательно, такъ характерно для галицкаго намѣстника, что на немъ стоитъ остановиться и пере-

*) „Громадська Думка“, № 29, 124, 125, 137.

дать впечатлѣніе, произведенное имъ на населеніе, со словъ корреспондентовъ „Гр. Думки“.

„2 мая управляющіе экономіи Охота-Перетечкевичъ и Рудницкій объявили крестьянамъ сосѣднихъ селъ идти рубить лѣсъ. Вышло около 400 чел.,—всѣ думали, что ихъ наняли рубить помѣщичій лѣсъ. Явившись въ помѣщичью „Диброву“, они застали тамъ исправника (знаменитаго усмирителя Сисѣцкаго), управляющихъ и православное воинство, вооруженное будто на японцевъ. Управляющіе указали на садъ кр. Панченка и велѣли рубить. Тогда крестьяне возмутились и спрашиваютъ: „що це ви наняли нас на грабіж, чи що? Бо ми дійсно знаєм, що цей лѣсок з садками спокон-вѣк був не панській, а кр. Панченка? Ви хочете, щоб ми свого ж брата нищили? Що як за вами стоять вояки, то й ми, ради заробітку, будемо васъ слухати? Не дїждете цього!“ Крестьяне потребовали плату за потерянный день и ушли. Тогда изъ Звенигородки, привезли всѣхъ имѣющихся тамъ арестантовъ, и послѣдніе, съѣвъ нѣсколько воловъ и выпивъ не одно ведро водки, подъ командой исправника и стражниковъ, совершенно уничтожили крестьянскіе сады (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было болѣе 1000 деревъ), свезли въ помѣщичій дворъ срубленное дерево и пни, а землю разчистили и засѣяли. Что испытывали несчастные крестьяне, глядя, какъ ихъ достояніе—сады, взлелѣянные еще дѣдами ихъ, падаютъ подъ ударами палачей, вызванныхъ по распоряженію представителя „высшей“ культуры—пусть представитъ себѣ читатель. „А еще говорятъ о какой-то „неотъемлемости“ частной собственности“ — пишетъ съ болью сердечной корреспонденцѣ,—да, она существуетъ, но лишь въ приложеніи къ собственности такихъ персонъ, какъ гр. Потоцкій, который послѣднюю крестьянскую собственность обращаетъ въ свою“...

Въ эту трагическую исторію съ садами пытался было вмѣшаться мировой посредникъ 1 уч., желая помочь крестьянамъ, и прислалъ было въ ихъ сады землемѣра для измѣре-

нія и нанесенія на планъ (такъ какъ у нѣкоторыхъ крестьянъ было по 2—3 десят., а управляющіе показываютъ меньше), но г. исправникъ, инспирированный управляющимъ Рудницкимъ, землемѣра изъ садовъ изгналъ, считая, конечно, дѣйствія его незаконными и, вѣроятно, крамольными. И остались теперь крестьяне безъ своего дорогого наслѣдія—безъ садовъ, безъ земли (такъ какъ отведенная имъ не можетъ быть названа пахотной землей), безъ правосудія, безъ малѣйшей вѣры въ какую либо справедливость на землѣ... Такъ насаждается въ имѣніяхъ высоко-культурныхъ людей „интенсивная культура...“

Но мы были бы слишкомъ односторонними, если бы лишь этимъ ограничились. Справедливость требуетъ, чтобы благодѣтельность культурнаго воздѣйствія частной собственности гр. Потоцкаго на мѣстное населеніе предстала въ возможной полнотѣ и ясности. Полагаемъ, что для полноты представленія достаточно будетъ нижеслѣдующаго документа, напечатаннаго въ уманской газетѣ „Народная Польза“.

Документъ этотъ не что иное, какъ обычный договоръ экономіи того же графа Потоцкаго, заключаемый этой послѣдней съ наемными рабочими.

„Я, крестьянка села такого то, поступила въ наймы, по собственному согласію, въ такую то экономію гр. Потоцкаго на сельско-хозяйственныя работы, какія бы мнѣ ни поручили, всего на 144 рабочихъ дня, на своемъ содержаніи („харчахъ“), за плату за все время 34 рубля [т. е. по 23¹/₂ коп. въ день!], въ счетъ которыхъ получила въ задатокъ 10 руб., а остальныя буду получать затѣмъ столько, сколько заслужу. При этомъ обязываюсь:

1) Выходить на работу съ восходомъ солнца и работать до захода солнца.

2) Если я оставлю работу безъ законныхъ причинъ, я должна вернуть задатокъ вдвое, не требуя за время работы никакой платы.

3) На работу обязываюсь выходить тотчасъ, какъ меня позовутъ.

4) Если экономія позоветъ меня на какую-либо работу въ праздникъ или въ воскресенье, то я не имѣю права отказатьсѣ работать.

5) *Если я въ праздникъ или въ будни безъ разрѣшенія экономіи куда либо уйду, то обязана за эти прогульные дни отработать вдвое.*

6) *Если бы я заболѣла или умерла, тѣ за меня должна отработать моя семья.*

7) Ни въ какомъ случаѣ я не могу оставить работу до срока.

Эти условія мнѣ извѣстны, въ чемъ и расписываюсь“...

Кажется вполнѣ ясно и опредѣленно, и ни у кого теперь не возникаетъ сомнѣнія въ томъ, что гр. Потоцкій—„интенсивно“ культивируетъ своихъ крестьянъ... Можно лишь усомниться въ одномъ: не ошибся ли гр. Потоцкій на цѣлое столѣтіе и не думаетъ ли онъ, что настало время возродить крѣпостное право, заставляя на себя работать за 23¹/₂ коп. по 18 часовъ и въ будни и въ праздники, обязывая службой не только при жизни, но и послѣ смерти? Какъ должны быть счастливы наши галицкіе земляки, имѣя у себя такого гуманнаго, „интенсивно-культурнаго“ намѣстника! Поистинѣ, можно позавидовать!..

В. Доманицкій.

Жа Украинѣ.

Одновременно съ роспускомъ Гос. Думы начались жестокия репрессіи, направленныя на печатное слово. Первой жертвой новаго „конституціоннаго“ министерства стала столичная печать, за нею последовала провинціальная. „Съ каждымъ днемъ,—пишетъ провинціальныи обозрѣватель XX Вѣка,—еще недавно столь внушительная куча провинціальныхъ газетъ, получаемыхъ нашей редакціей, убываетъ и убываетъ. Газеты таютъ, а остающіяся все болѣе и болѣе блѣднѣютъ. Хроника газетъ пополняется указаніями на пріѣзды и отъѣзды губернаторовъ (екатеринославцы, напр., проводили своего губернатора г. Александровскаго), на порчу мостовыхъ, на небезопасность въ пожарномъ отношеніи тюремъ, на драки, убійства и т. д. и т. д.“.

Значительная часть печати, издающейся на территоріи Украины, лишена была всякой возможности высказаться такъ или иначе по поводу роспуска Гос. Думы и вынуждена была довольствоваться аншлагами вродѣ помѣщенного въ „Южной Зарѣ“:

„Предназначенныхъ для сегодняшняго нумера статей, заключавшихъ въ себѣ оцѣнку роспуска Государственной Думы, мы не имѣли возможности напечатать“.

Тѣ же газеты, на уста которыхъ не была наложена печать, высказались настолько опредѣленно, что нѣкоторыя изъ нихъ, высказавшись, вынуждены были замолчать вовсе. Въ общемъ, въ южной печати, если исключить три черносотенныхъ газеты: „Кіевлянинъ“ Пихна, вдохновляемую ген. Карангозовымъ одесскую „Русскую Рѣчь“ и кишиневскую газетку Крушевана, издающихъ бессмысленный, но радостный и злобный лай, направленный на бывшихъ и будущихъ

депутатовъ и на самую Гос. Думу; если исключить эти, съ позволенія сказать, изданія, то всѣ остальные газеты дружно говорятъ тожкомъ озабоченности и негодованія, тономъ, въ которомъ звучитъ одновременно огорченіе, бодрость и увѣренность въ будущемъ. Приведемъ нѣкоторые отзывы изъ южной печати.

„Съ сегодняшняго дня, — пишутъ „Кіев. Отклики Жизни“, — мы снова входимъ подъ своды той гробницы, въ которой пребывала наша несчастная страна три мѣсяца тому назадъ въ непревзойденную по своимъ ужасамъ эпоху властвованія Витте и Дурново.

Зачѣмъ это? Кому нужны новые ужасы и жертвы?

Для насъ, какъ и для всѣхъ, было совершенно ясно, что народъ, измученный и изстрадавшійся, въ подавляющемъ большинствѣ съ глубокимъ довѣріемъ отнесся къ первому составу думы и сосредоточилъ на ней всѣ свои упованія.

Каждымъ днемъ своего существованія она расширяла политическое самосознаніе массъ и содѣйствовала пхъ организаци. Начиная отъ крупныхъ городскихъ центровъ и кончая заклустой деревушкой, народъ чутко прислушивался къ тому, что происходило въ Таврическомъ дворцѣ, и исконное народное требованіе „земли и воли“ становилось изо дня въ день все болѣе и болѣе настойчивымъ, увѣреннымъ и опредѣленнымъ“.

Переходя къ анализу возможнаго будущаго, та же газета говоритъ:

„Если даже представить себѣ невѣроятное, — а именно, что вся жизнь, начиная сегодняшнимъ днемъ и вплоть до 20 февраля будущаго года обратится въ одно стоячее политическое болото, что политика репрессій, которую провоцируетъ реакціонная печать, будетъ возведена въ незыблемую догму, что Плеве встанетъ изъ могилы и обвинитъ всю страну кольцомъ беззаконія и произвола, — если даже предположить, слѣдовательно, что бюрократія продѣлаетъ опытъ превращенія страны въ первобытное рабское состояніе для того именно, чтобы имѣть дѣло впоследствии не съ Жилкиными и Авикиными, а съ Способными и Ерогиными, — все же Государственная Дума новаго состава очутится передъ тѣмъ же колоссальнымъ вопросомъ соціально-политическаго характера и не сможетъ дать на него угодный бюро-

кратической камарильѣ отвѣтъ. И вновь бюрократія увидитъ передъ собою фатуму... Найдеть ли она тогда способъ, чтобы отвратить „крамолу“? Но дважды одно и тоже средство не дѣйствуетъ...

Вещи имѣютъ свою внутреннюю логику. Соціально-политическій строй Россіи обветшалъ до самыхъ корней его. Однимъ изъ такихъ главныхъ корней является настоящее земельно-крестьянское устройство въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Дѣло не въ томъ, чтобы замазать тѣ и другія щели низкой деревенской избы, а въ томъ, чтобы ликвидировать крѣпостнически-помѣщичьи отношенія, которыя ложатся тяжелымъ бременемъ на всю жизнь и мѣшаютъ прогрессивному развитію ея. Дѣло въ коренномъ переломѣ уклада жизни. Безцѣленъ протестъ противъ того, что этотъ переломъ направляется въ сторону демократическаго обновленія. Онъ не можетъ быть другимъ.

Всякая Государственная Дума—разъ только это будетъ Дума, а не фальсификація ея, будетъ въ такомъ случаѣ „крамольной“. Бюрократіи не побороть фатума. Раньше или позже, но она будетъ побѣждена имъ“.

Елисаветградская „Южная Волна“ ставитъ такой же діагнозъ будущему, какъ и кіевская газета:

„За 2 съ пол. мѣсяца существованія Государственной Думы народное сознаніе сдѣлало громадныя успѣхи въ смыслѣ своего количественнаго расширенія и качественного подъема, и прежняя система управленія встрѣтится съ еще болѣе твердымъ противодѣйствіемъ.“

Если даже новая система физически возьметъ верхъ на нѣкоторое время, то все равно она не въ состояніи привести въ порядокъ разстроенную хозяйственную жизнь страны, не завоюетъ вновь и государственнаго кредита, не возстановитъ пошатнувшагося между-народнаго положенія Россіи. Жизнь наша за послѣдніе два года показала слишкомъ ясно, къ чему приводитъ такая система, практиковавшаяся послѣднія десятилѣтія. Система эта, лишенная жизненнаго нерва въ самомъ своемъ содержаніи, при полномъ отсутствіи живыхъ силъ страны не можетъ по самому своему существу дать обновленія Россіи, безъ котораго она дальше не можетъ существовать. Она не разрѣшитъ, конечно, и самаго большого вопроса—аграрнаго, требующаго

немедленнаго разрѣшенія, и поставитъ на карту самое существованіе государства, такъ какъ всѣмъ извѣстно настроеніе крестьянства, ждашаго, какъ манна небесная, разрѣшенія земельного голода отъ Государственной Думы.

Въ силу необходимости придется опять прибѣгнуть къ народному представительству въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ единственному выходу изъ заколдованнаго круга“.

Того же мнѣнія держатся и „Южцыя Новости“.

„За два мѣсяца своего существованія Государственная Дума хотя и успѣла выработать лишь только одно рѣшеніе, ставшее закономъ, но за это время она по направленію своей работы дала столько, что стала авторитетѣйшимъ учрежденіемъ страны, что всѣ чаянія и надежды народа были обращены лишь къ ней одной. Поэтому Дума является лозунгомъ, около котораго стекаются массы, и на распушеніе ея эта масса будетъ реагировать. Послѣдствія роспуска неисчислимы и такъ ужасны, что мысль отказывается о нихъ думать. Первое представительство русскаго народа, олицетвореніе его державной воли, выразительница его вѣковыхъ думъ, прошло какъ чудное сновидѣніе. Но сновидѣніе это никогда не забудется народомъ“.

„Бессарабская Жизнь“, говоря о роспускѣ Государственной Думы, указываетъ на ту глубокую скорбь, съ какою населеніемъ принято было это извѣстіе. Подводя итоги дѣятельности Думы, газета мрачными красками рисуешь грядущее. Наиболѣе заинтересованными въ успѣхѣхъ распушенной Думы элементами являются рабочіе и крестьяне; какъ они отнесутся къ событію 9-го іюля?

„Городской пролетаріатъ, какъ болѣе организованный и сознательный, быть можетъ, удержится въ рамкахъ тяжелой необходимости и не рискнетъ на повтореніе прошлогодняго декабрьскаго опыта, имѣвшаго роковое значеніе для послѣдующаго хода событій. Но какъ сдержатъ крестьянство? Объединенное однимъ общимъ лозунгомъ— „земля“ и движимое общимъ началомъ— голодомъ, крестьянство потеряло послѣдніе остатки своего терпѣнія и тѣсной массой устремилось противъ помѣщиковъ, разрушая и сжигая все на своемъ пути. Стихійность крестьянскаго движенія не находитъ себѣ преграды ни

въ военномъ положеніи, ни въ прочихъ мѣрахъ исключительной и чрезвычайной охраны. Доведенный до крайней точки отчаянія, народъ неспособенъ уже подчиняться доводамъ тактики и условіямъ момента; его разрушительное шествіе становится по истинѣ ужаснымъ, когда онъ теряетъ послѣднія надежды на улучшеніе своего тягостнаго быта. Таковъ именно смыслъ настоящей минуты: до сихъ поръ вѣра въ Думу, въ ея авторитетъ держала значительную часть крестьянства въ рамкахъ сравнительнаго покоя, но теперь эта вѣра должна исчезнуть и замѣниться крайнимъ озлобленіемъ противъ враговъ коренныхъ реформъ. И теперь, находясь въ преддверіи аграрной революціи, мы невольно задаемся вопросомъ: неужели бюрократія, остающаяся полновластнымъ хозяиномъ Россіи до 20-го февраля 1907 г., т. е. въ теченіе 8 мѣсяцевъ, способна будетъ подавить народное движеніе и возродитъ покой на основахъ абсолютизма?“

Газета бодро смотритъ на будущее.

„Государственная Дума являлась центромъ, который связанъ тысячею узъ съ народомъ. Населеніе всѣ свои надежды возложило на Думу... Трудно учесть всѣ послѣдствія указа отъ 8 іюля. Эту дату исторія впишетъ на свои страницы, какъ повторный пунктъ въ жизни русскаго народа.

Россія не первый разъ переживаетъ смутныя эпохи, полныя трагизма. Народъ, завоевавшій день 17 октября, не можетъ быть опять скованъ и обращенъ въ раба“.

„Кіевск. Заря“ пишетъ:

„Дума распушена, и реакція, разрубивъ гордіевъ узелъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, торжественно празднуетъ побѣду. Надолго-ли?

Теперь и наиболѣе умѣренная часть народа лишилась той отдушины, чрезъ которую находили выходъ своимъ чувствамъ. Ну, а теперь? Не думаетъ-ли реакція, что съ русскимъ народомъ во время новой избирательной кампаніи можно будетъ продѣлать стамбуловскій фокусъ-покусъ и, прогоняя избирателей сквозъ строй всякихъ измышленийъ теперь еще всесильной бюрократіи, —наполнить новую Думу своими клеветами? Никогда. Ей этого не удастся. Новая Дума еще

тверже, еще яснѣе подчеркнетъ свою рознь съ командующимъ классомъ, еще поднѣе будетъ выражать народную волю. Или бюрократія, думая повторить свой экспериментъ, забываетъ, что подобные опыты надъ народомъ лишь воспитываютъ и закаляютъ народъ, увеличивая его силу“?

„Подольскій Край“ пишетъ:

„Дума умерла. Въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ она служила центромъ политической жизни страны. Ея роль громаднa. Ея значеніе неопѣнимо. И она воскреснетъ. Воскреснетъ не хилымъ растеніемъ, продуктомъ контръ-революціонныхъ потугъ, мертворожденнымъ бюрократическимъ дѣтищемъ, силой историческихъ судебъ превращеннымъ въ орудіе революціи, а полновластнымъ учрежденіемъ, продуктомъ побѣдоноснаго шествія великаго, страдальческаго народа по пути къ самостоятельности и къ счастью. Да будетъ“!

„Волынь“ говоритъ: Жизнь не стоитъ, не ждетъ и властно диктуетъ свои требованія. Сама жизнь осудила уже старый режимъ, возврата къ которому уже нѣтъ и не можетъ быть. Потребуется, быть можетъ, не мало труда, усилій, энергіи для окончательнаго торжества новыхъ у насъ и вѣковѣчныхъ по существу своему принциповъ, будетъ воздвигнуто много препятствій на ихъ побѣдоносномъ пути, будетъ много козней, обидъ, разочарованій, но правда превыше всего и она побѣдитъ. Но побѣждаетъ тотъ, кто силенъ, а силенъ тотъ, кто увѣренъ въ своей силѣ, кто не падаетъ духомъ, не отчаивается, кто съ вѣрой и надеждой смотритъ въ будущее, какъ-бы ни былъ тяжелъ путь къ нему. И отчаяніе и гнетущее спокойствіе теперь, въ боевой моментъ народной жизни, преступны,—теперь, когда нужна напряженная, энергичная работа, нѣтъ мѣста всегда губившей насъ валости духа и воли. Мы накануне новыхъ выборовъ въ Государственную Думу, составъ которой долженъ быть таковъ, чтобъ онъ съ гордостью и честью, по праву, могъ занять высшее и почетное мѣсто своихъ славныхъ предшественниковъ, имена которыхъ со временемъ будутъ запечатлѣны золотыми буквами на страницахъ народной исторіи, какъ имена лучшихъ народныхъ героев. Они оставили своимъ замѣстителямъ большіе, великіе и почетные завѣты, которые должны быть

осуществлены. И всѣ силы страны и народа должны быть направлены теперь на славное довершеніе этой высокой мисіи. Нужна энергія и мирная планомерная работа, а не мертвая зыбь и отчаяніе“.

Даже „Южный Край“ „знаменитаго“ на Украинѣ Юзефовича и тотъ поддался общему настроенію и тепло провожаетъ распущенную первую Гос. Думу:

„Идеи и взгляды, проводимые нашими представителями, у всѣхъ еще въ памяти. Первая Дума оставила странѣ свои взгляды, свое завѣщаніе. Тѣ идеалы свѣта и правды, которые проникли въ народъ изъ Таврическаго дворца, умереть, конечно, не могутъ, они будутъ свѣтить народу яркимъ свѣтомъ“.

Въ возможность черносотенной Гос. Думы южныя газеты не вѣрятъ ни на одну минуту. Путь къ свободѣ,—резюмируемъ словами одной изъ нихъ,—намѣчается теперь черезъ панораму казачьихъ усмиреній и военныхъ положеній, но онъ приведетъ къ единой цѣли,—къ осуществленію дѣйствительнаго народовластія, дѣйствительныхъ, безъ кавычекъ, конституціонныхъ свободъ.

На роспускъ Гос. Думы отозвалась и украинская печать и ея отзывы не менѣе опредѣленны, чѣмъ отзывы русской печати, издающейся на территоріи Украины.

„Нѣтъ болѣе Гос. Думы,—пишетъ „Рідний Край“,—нѣтъ болѣе въ огромномъ русскомъ государствѣ представительства и заступничества за народную долю... Тяжелая тревога, жуткое безпокойство охватываетъ всѣ слои общества, всѣхъ чувствующихъ людей... Гос. Дума перестала существовать въ тотъ моментъ, когда большинство народа не путемъ волненій и возстаній, а мирно, на основѣ закона, готовилось участвовать въ переустройствѣ русской государственности и общественности... Правительство, добившееся акта о роспускѣ Гос. Думы, поставило надъ бездной страну, и на него падеть вся отвѣтственность за то, что произойдетъ“.

„Дума распушена“—читаемъ въ „Громад. Дум.“—Эти два слова огнемъ жгутъ души тѣхъ, кто сохранилъ еще способность скорбѣть

отъ скорби народной. Перестала существовать Дума, и вмѣстѣ съ Думой исчезла надежда на доброе окончаніе той безурядицы, въ которой уже такъ давно мы горимъ, какъ въ огнѣ, и которая явилась естественнымъ результатомъ безогляднаго бюрократическаго самовластия... Что же дальше? Ясно, что роспускъ Думы, это послѣднее покушеніе бюрократическаго правительства на народныя права, можетъ имѣть такое же ничтожное значеніе, какъ и всѣ дѣла этого правительства. Народъ, который сумѣлъ выбрать первую Думу при гораздо болѣе трудныхъ и безотрадныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь, снова станетъ у выборныхъ урнъ, но на этотъ разъ станетъ болѣе сознательно, отдавая себѣ отчетъ и о своихъ интересахъ и объ интересахъ всего государства. Два съ половиною мѣсяца, въ которые засѣдала Дума, не прошли для народа даромъ: онъ выросъ и изъ слѣпого сталъ зрячимъ. Вопросъ лишь въ томъ: какъ встрѣтитъ народъ извѣстіе о роспускѣ Думы, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ?..“

Какъ встрѣтилъ украинскій народъ извѣстіе о роспускѣ Госуд. Думы? Оффиціальныя телеграфныя агентства говорятъ о подавленномъ настроеніи духа, о спокойствіи и о сохраненіи порядка; корреспонденціи газетъ говорятъ о недоумѣніи и негодованіи. Подводить итоги, однако, еще преждевременно, тѣмъ болѣе преждевременно, что оффиціозное „спокойствіе“ и неоффиціозное недоумѣніе — правдоподобно, характеризуютъ одно и то же настроеніе. При той подготовленности ко всякаго рода „проявленіямъ“, хотя бы самымъ мирнымъ, которою, при помощи войскъ, стражниковъ, казаковъ, военнаго, чрезвычайнаго и другихъ положеній, окружило себя новое министерство, народное настроеніе долго еще можетъ учитываться лишь предположительно.

Какъ напримѣръ, проявится настроенію населенія при такихъ условіяхъ, какъ въ Воронежѣ, гдѣ, по словамъ „Рѣчи“, съ самаго утра того дня, когда стало извѣстно о роспускѣ Гос. Думы, наблюдалось необычайное настроеніе, заставлявшее многихъ думать о внезапномъ появленіи въ окрестностяхъ города непріятели.

Со двора стараго интендантства были вывезены всѣ 10 орудій

артиллеріи и пулеметы и разставлены въ нѣкоторыхъ частяхъ города; два орудія поставили среди дороги около печатни Яковлева, близъ базара, четыре около губернской тюрьмы и четыре на Кадетскомъ плацу...

Кромѣ артиллеристовъ при орудіяхъ находились прикрытія изъ драгунъ и пѣхоты, а на Кадетскомъ плацу стояла цѣлая рота Невскаго пѣхотнаго полка и два взвода кавалеріи.—Всѣ казенныя зданія охранялись пѣхотою. На дворахъ казначейства, почтово-телеграфной конторы и государственнаго банка цѣлый день въ аммуниціи и полномъ боевомъ вооруженіи стояли по полуротѣ Скопинскаго пѣхотнаго полка.

На дворѣ стараго интендантства тоже съ утра до вечера стояла въ боевомъ порядкѣ полурота Скопинскаго полка и иолусотня казаковъ, лошади которыхъ весь день не разсѣдывались. За городъ на шоссеиную Задонскую дорогу были отправлены два эскадрона кавалеріи и сотня казаковъ.

Говорили, что эти войска посланы навстрѣчу многотысячной толпѣ крестьянъ, идущихъ на Воронежъ. Станція Воронежъ пассаж.-в. ж. д. была наводнена казаками кавалеристами, пѣхотникамъ и жандармами; были тамъ и околоточные.—На путяхъ стояли снаряженные два поѣзда—карательный и съ казаками. Паровозы у этихъ поѣздовъ стояли подъ парами.

По всему городу сновали конные и пѣшіе патрули казаковъ и городской полиціи. На базарѣ и по Дворянской улицѣ усиленно сновали сыщики; у публики настроеніе было крайне повышенное и нервное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Дворянской улицѣ и др. шли разговоры по поводу роспуска Думы, происходили при этомъ ссоры. Какой-то молодой парень, читая телеграмму о роспускѣ Думы, отъ радости перекрестился и сталъ порицать думскихъ депутатовъ: его въ шутку посылали служить благодарственный мелебень.

Въ другомъ мѣстѣ этотъ подозрительный субъектъ благодарилъ Бога, что „разогнали“ Думу, его называли за это толстолобимъ, черносотенцемъ и говорили, что онъ сынъ какого-то жандарма и шніонъ... Въ третьемъ мѣстѣ этому парню за порицаніе думцевъ

одинъ молодой человѣкъ далъ хорошую затрещину... По городу носились самые невѣроятные слухи: то говорили, что идетъ въ Воронежъ большой поѣздъ съ революціонерами, по кievской дорогѣ; то говорили про ожидаемое нападеніе на тюрьму со стороны мѣстныхъ революціонеровъ съ соучастіемъ войскъ... Часамъ къ пяти вечера всѣ орудія были поставлены опять на дворъ стараго интендантства, но части войскъ оставались на своихъ мѣстахъ до вечера, а на ночь замѣнены другими и усилены.

За городомъ, вечеромъ, собрался было митингъ, но былъ разогнанъ полиціей.

Въ другихъ городахъ, правда, не такъ откровенно вооружаются противъ „народнаго настроенія“, но, какъ сообщаютъ газеты, вездѣ усилены наряды городовыхъ, казаковъ и регулярныхъ войскъ, вездѣ готовятся къ истребленію „внутренняго врага“, готовятся къ подавленію „настроенія“. Стараются подавить это настроеніе не только оружіемъ и силой, а и... проповѣдью. Во многихъ церквахъ на Украинѣ, послѣ чтенія Указа о роспускѣ Гос. Думы, служили благодарственные молебны. Не вездѣ, однако, эти молебны пришлись по вкусу населенію: въ Луцкѣ, напримѣръ, когда начался такой молебенъ, изъ собора ушли всѣ крестьяне и рабочіе и остались лишь чиновники и военные. Корреспондентъ, сообщившій объ этомъ, умалчиваетъ о томъ, въ какомъ „настроеніи“ ушли крестьяне изъ церкви, гдѣ молились за то, что отсроченъ законъ о надѣленіи землею безземельныхъ и малоземельныхъ; оффиціозныя телеграммы же говорятъ, что въ Луцкѣ—спокойно. Да, спокойно! И дай Богъ, чтобы спокойно мы добрались до новой Думы и связанныхъ съ нею—земли и воли.

Роспускъ Гос. Думы вызвалъ самое живое впечатлѣніе и среди украинцевъ Галиціи, отдѣленныхъ отъ русской Украины пограничными столбами, но живущихъ общими интересами со своими братьями—украинцами Россіи. Къ намъ дошла уже и часть откликовъ украинской заграничной прессы. „Громадський Голос“ оцѣниваетъ значеніе роспуска Гос. Думы въ слѣдующихъ строкахъ:

„Роспускомъ Думы русское правительство отняло у своихъ подданныхъ послѣднюю надежду на достиженіе мира и порядка въ странѣ легальными путями. Распустивъ Думу, оно показало, что желаетъ вернуться назадъ, на путь безправія, нагайки, кнута, Сибири, тюрьмы и другихъ характерныхъ признаковъ русскаго самовластія; оно дало понять, что благо народа его совѣмъ не занимаетъ, что судьбу миллионѡвъ оно готово принести въ жертву интересамъ привилегированныхъ классовъ. Роспускомъ Думы русское правительство показало также, что оно никогда не думало искренно объ улучшеніи положенія русскаго крестьянства и рабочаго класса, что Дума была созвана лишь—для видимости, чтобы ея созывомъ обезпечить за собою у заграничныхъ капиталистовъ возможность миллиарднаго займа. Доказательствомъ служить уже самъ поводъ роспуска Думы“.

„Дѣло“ пишетъ:

„Дума умерла, да здравствуетъ Дума!—эти историческія слова англійскаго премьера являются европейскимъ вердиктомъ по дѣлу о произведенномъ въ Россіи покушеніи правительства на право русскихъ народовъ законодательствовать. Шестьсотъ парламентаріевъ всѣхъ странъ встрѣтили этотъ вердиктъ такимъ громкимъ одобреніемъ, что задрожали стѣны вестминстерскаго дворца. Эта рѣчь представителя великой Англій произвела сенсацію во всемъ мірѣ, а въ правящихъ кругахъ Россіи ея эффектъ былъ равенъ впечатлѣнію отъ холодной душа на разгоряченную голову. Русское правительство поняло, что дѣло демократической конституціи въ Россіи перестало быть дѣломъ только русскимъ и является дѣломъ всѣхъ культурныхъ народовъ.“

„Дума умерла, но она возродится и возродится не въ видѣ учрежденія, которое обладаетъ лишь голымъ правомъ говорить и критиковать и не имѣетъ силы реализовать своей воли въ жизни. Первый русскій парламентъ былъ пустою формой, при помощи которой обманывали народъ, чтобы онъ прекратилъ свою борьбу противъ стараго государственнаго абсолютистическаго режима; при помощи которой обманывали заграницу, чтобы займомъ спасти Россію отъ краха и экономическаго банкротства. Первая русская Дума родилась

въ свѣтъ съ признаками смерти, она была сразу нежизнеспособной. Одиннадцать недѣль собирался русскій парламентъ, одиннадцать недѣль въ немъ произносились рѣчи и принимались рѣшенія, вызывавшія удивленіе всего культурнаго міра, но эти рѣчи и эти рѣшенія не имѣли практическаго значенія. Дума сразу, съ перваго же засѣданія, прежде чѣмъ приступить къ какимъ-либо инымъ дѣламъ, не попыталась осуществить бюджетное право, не заявила государственнымъ финансами, благодаря чему не приобрѣла надъ правительствомъ никакой власти и не получила никакой поддержки отъ кредиторовъ Россіи. Никто не принимаетъ въ расчетъ парламента, который не осуществляетъ бюджетнаго права, и потому съ Думой никто и не считался. Въ то время, какъ въ Думѣ шли совѣщанія объ уничтоженіи смертной казни, что и было принято Думой,—въ это время разстрѣливали и вѣшали людей; пока Дума рѣшала вопросъ о передачѣ частновладѣльческихъ земель трудящимся массамъ, въ это время въ русскихъ имѣніяхъ намѣстника Галиціи (гр. Потоцкаго) дворня вырубала крестьянскіе сады, а казацкія нагайки стегали крестьянскія спины, казацкія пули отнимали у женъ мужей, у дѣтей отцовъ; пока въ таврическомъ дворцѣ возвѣщали законопроекты о свободѣ собраній и печати, въ это время тюрьмы переполнялись ораторами митинговъ и редакторами политическихъ газетъ. Правительство, словно на зло Думѣ, производило какъ разъ то, противъ чего протестовала Дума, что отвергала единогласно. Весь міръ въ удивленіи задавалъ вопросъ: почему правительство не распускаетъ Думы, разъ оно не предполагаетъ приводить въ исполненіе ея рѣшеній, разъ оно противится Думѣ, въ которой министрамъ не давали возможности даже говорить. Правительство терпѣло Думу лишь съ тѣмъ, чтобы народъ, успокоенный фикціей конституціи, не волновался въ надеждѣ, что отъ Думы онъ получитъ реальную пользу. И въ то время, пока Дума провозглашала и принимала популярныя реформы, реакція организовывала свои силы, чтобы безнаказанно убить безсильное, но небезопасное для абсолютизма, благодаря своему агитационному значенію. представительное учрежденіе. Руководящіе круги Россіи дали странѣ безсильную Думу, чтобы обмануть народъ. Те-

нерь обманъ убить, въ смерти его виновны сами обманщики, и смерть эта лишь облегчаетъ правдѣ дорогу къ побѣдѣ. Для народовъ Россіи Дума распущена какъ разъ во время, но реакція опоздала со своимъ дѣломъ, ибо Дума исполнила свое назначеніе. Еще Витте говорилъ въ свое время: причины всеобщаго волненія—„въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму своего строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы“. Эти слова были сказаны тогда, когда противъ этой формы внутренняго строя протестовала лишь часть населенія: интеллигенція и фабричный пролетаріатъ,—которые одни и зачислялись въ „русское мыслящее общество“. Нынѣ къ этому „мыслящему“,—мыслящему въ политическомъ значеніи этого слова,—необходимо причислить всю массу русскаго крестьянства, политическому развитію котораго способствовала предвыборная агитація и особенно пренія въ Думѣ по аграрному и другимъ вопросамъ, существенно важнымъ для крестьянина. И то самое крестьянство, которое до созыва Думы не только не понимало всего значенія парламентскаго представительства, но даже не знало, что такое—народно-законодательное учрежденіе,—теперь это крестьянство приняло сторону русской демократіи и стоитъ крѣпко за народно-представительное учрежденіе, ибо лишь отъ него ждетъ улучшенія своего благосостоянія.

Безплодныя, казалось, пренія въ Думѣ дали, однако, на практикѣ чрезвычайно важный результатъ агитаціоннаго значенія: послѣ роспуска Думы революціонныя стремленія проникли въ широкія массы народовъ Россіи. Дума прекрасно исполнила свое назначеніе; она ускорила процессъ парламентаризаціи русскаго общества. Дума, которая обладала голымъ правомъ говорить, распущена, результатомъ чего въ непродолжительномъ времени явится новая Дума, которая будетъ уже имѣть силу и право не только говорить, но рѣшать и приводить въ исполненіе свои рѣшенія“.

Депутаты съ территории Украины и ихъ дѣятельность въ Государственной Думѣ.

Съ формальной стороны наслѣдіе, которое оставилъ послѣ себя первый русскій парламентъ,—крайне ничтожно. Только одному его постановленію—объ ассигнованіи 15 милліоновъ на голодающихъ—удалось пройти всѣ стадіи сложнаго законодательнаго процесса. Но по существу работа, совершенная нашими депутатами за 72 дня,—колоссальна. Былъ начатъ выработкою и подвергнуть предварительному обсужденію цѣлый рядъ законопроектовъ, которые должны были обновить Россію и дать политическую свободу ея гражданамъ. Устами свыше сотни ораторовъ, зачастую въ простыхъ и безхитростныхъ, но идущихъ отъ глубины сердца словахъ, была дана всесторонняя картина вѣковой русской несправды—угнетенія, обнищанія и вырожденія милліоновъ крестьянства и его земельной нужды. Наконецъ, изо дня въ день уворно и неутомимо боролась Государственная Дума въ сотняхъ запросовъ съ беззаконіемъ и преступленіями администраціи, отъ самыхъ высшихъ и до самыхъ низшихъ ея агентовъ, и съ безтрепетной смѣлостью обнажала развѣдающія Россію язвы произвола и самовластия бюрократіи. Объемистый томъ стенографическихъ отчетовъ Государственной Думы не только останется навсегда крупнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ въ исторіи русскаго освобожденія, но еще долго будетъ цѣнной энциклопедіей практической политики, откуда будутъ почерпнаты указанія русскіе политическіе дѣятели.

Въ своемъ очеркѣ мы попытаемся опредѣлить, какую лепту въ эту громадную работу внесли депутаты съ территории Украины, причемъ мы имѣемъ въ виду лишь губерніи съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ—Нолтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую, Волянскую, Екатеринославскую и Херсонскую. Существеннымъ также для этой цѣли мы считаемъ анализъ состава

депутатовъ съ территоріи Украины и тѣхъ условій, при которыхъ протекала избирательная кампанія и складывались партійныя группировки.

I. Условія избирательной кампаніи и составъ депутатовъ.

Избирательный законъ 6 августа 1905 г. сразу обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что при всемъ своемъ анти-демократизмѣ онъ давалъ сравнительно довольно широкія избирательныя права крестьянству. Очень скоро былъ вскрытъ цензъ „благонадежности“, положенный въ основу избирательнаго закона. Авторы его, очевидно, рассчитывали, что невѣжественное и малосознательное крестьянство подъ опытнымъ руководствомъ и давленіемъ земскихъ начальниковъ и прочихъ деревенскихъ опекуновъ выберетъ угодливыхъ и послушныхъ начальству депутатовъ. Надо замѣтить, что на Украинѣ—странѣ преимущественно земледѣльческой, гдѣ крестьянство составляетъ огромный процентъ населенія, эти соображенія имѣли особенно важное значеніе и исходъ выборовъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, зависѣлъ отъ голосовъ крестьянскихъ выборщиковъ.

Дѣйствительно, мѣстная администрація дѣлала всѣ усилія, чтобы выборы были для крестьянъ актомъ бессознательнымъ и непонятнымъ. Въ деревнѣ не только не допускались никакія собранія и бесѣды съ крестьянами, но преслѣдовались даже подцензурныя газеты и такія изданія, какъ, напримѣръ, рѣчь кн. С. Н. Трубецкого въ земской депутаціи Государю 6 июня 1905 г. Крестьянство на Украинѣ въ общемъ оставалось безучастнымъ къ политической дѣятельности и неподготовленнымъ къ ней.

Октябрьская революція и манифестъ о свободахъ значительно всколыхнули это мертвое море. Ликованія и шумные митинги революціонно-настроенныхъ элементовъ городского населенія казались сначала крестьянамъ и мѣщанамъ чѣмъ-то непонятнымъ. Но затѣмъ идеи свободы и протеста противъ гнета и безправія стали просачиваться и въ деревню. Отзывчивая и равшаяся къ живому дѣлу сельская интеллигенція съ жаромъ принялась, какъ выражались крестьяне, „объяснять манифестъ“, и вскорѣ многочисленныя собранія крестьянъ стали обычнымъ явленіемъ деревенской жизни во многихъ мѣстахъ Украины. И здѣсь земскія губерніи, собравшія значительный контингентъ идейныхъ и честныхъ работниковъ въ лицѣ такъ называемаго „третьягъ элемента“, шли значительно впереди неземскихъ. Одновременно начались собранія и въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, куда стекались не только мѣстные жители, но и окрестные

крестьяне, приѣзжавшіе зачастую за десятки верстъ. Въ Чигиринѣ, Черкассахъ, Ушицѣ, Литинѣ, Переяславѣ, Сумахъ; Лохвицѣ, Прилукахъ и въ десяткѣ другихъ уѣздныхъ захолюстій стали раздаваться новыя смѣлыя рѣчи о землѣ и свободѣ. Въ Прилукахъ, напримѣръ, гдѣ собранія шли особенно удачно, еще ночью наканунѣ воскресенья вся площадь покрывалась возами „дядьків“, приѣхавшихъ изъ селъ и хуторовъ на собраніе. Утренній поѣздъ привозилъ еще сотни слушателей. Ни одно помѣщеніе не вмѣщало всѣхъ желающихъ. При видѣ тысячной толпы исправникъ вынужденъ былъ, хотя нехотя, разрѣшать собранія подъ открытымъ небомъ. И до поздней ночи съ балкона лились въ жадно слушающую массу горячія, страстныя рѣчи. Зрѣлище, еще недавно совершенно неслыханное для провинціальныхъ угловъ!

Печать, заговорившая прямымъ, свободнымъ языкомъ, также много сдѣлала для политическаго воспитанія народа. Въ глухихъ углахъ Украины, въ какихъ-нибудь Сумахъ или Кобелякахъ, бывшихъ до недавняго времени синонимомъ медвѣжьяго угла, появились свои газеты, говорившія простымъ, доступнымъ народу языкомъ о его нуждахъ. Идея о необходимости организациі для дальнѣйшаго участія въ политической жизни страны довольно быстро овладѣла деревней, и гдѣ находились подходящіе люди и складывались благоприятно условія, крестьянскій союзъ дѣлалъ тамъ поразительно успѣхи, какъ, напримѣръ, въ Лохвицкомъ или Сумскомъ уѣздахъ. Почти каждое село въ этихъ уѣздахъ имѣло свой выборный комитетъ, регулярно происходили собранія, довольно часто устраивались волостные и между-волостные съѣзды крестьянскихъ комитетовъ при участіи учителей, земскихъ служащихъ и даже членовъ унравы (въ Лохвицкомъ уѣздѣ). Нѣкоторые уѣздныя земства стали устраивать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ селъ уѣзда аграрныя совѣщанія, на которыхъ обсуждался аграрный вопросъ и мѣры къ его разрѣшенію. Однимъ словомъ, во многихъ мѣстахъ Украины жизнь забила ключемъ. Политическое самосознаніе крестьянства начало проясняться, и если бы событія шли гѣмъ же темпомъ, то ко времени выборовъ во многихъ мѣстахъ передъ урнами стояли бы сознательные граждане.

Но медовый мѣсяцъ свободы неожиданно оборвался, и дорого пришлось за него заплатить. 1 декабря, день объявленія нѣсколькихъ украинскихъ губерній на чрезвычайномъ положеніи, можно считать окончательнымъ переломомъ въ сторону свирѣпой реакціи. Начались,—тяжело вспоминать,—массовыя аресты, высылки, поистинный разгулъ драгунскихъ и казачьихъ экспедицій. Но все же въ большихъ городахъ—въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ,

даже въ Черниговѣ и Полтавѣ, они не были такъ губительны для успѣха выборовъ, для дальнѣйшей политической сознательной дѣятельности массъ, какъ въ мелкихъ городахъ и особенно въ селахъ и деревняхъ. Въ большихъ городахъ нельзя было разгромить всѣ интеллигентныя силы, онѣ потомъ оправились и провели избирательную кампанію болѣе или менѣе удовлетворительно. Но въ провинціи всѣ общественные дѣятели—устроители собраній и ораторы, организаторы союзовъ—были у всѣхъ на виду. Ихъ можно было по пальцамъ перечесть, и съ изъятіемъ ихъ изъ обращенія, политическая жизнь буквально замирала. Въ Подольской губерніи, напримѣръ, вообще крайне бѣдной интеллигентными силами и отсталой въ политическомъ смыслѣ, стоило удрать въ тюрьму всего нѣсколькихъ лицъ—доктора Блонскаго, произнесшаго въ Каменцѣ на предвыборномъ собраніи, созванномъ предводителемъ дворянства, горячую рѣчь на украинскомъ языкѣ о націонализации земли, доктора Донского и инженера Ошмянскаго въ Литинскомъ уѣздѣ, нѣсколькихъ учителей въ Винницкомъ и другихъ уѣздахъ,—и населеніе лишалось популярнѣхъ кандидатовъ въ выборщики, а политическая жизнь въ деревнѣ пріостанавливалась.

Центры мирнаго крестьянскаго движенія—Сумы, Лохвицкій уѣздъ, Прилуки были буквально разгромлены. Въ Прилукахъ была арестована вся мѣстная интеллигенція, такъ что городъ остался безъ врачебной помощи. Въ Лохвицѣ войска окружили земскую управу въ тотъ моментъ, когда тамъ шло совѣщаніе съ уполномоченными отъ волостей о финансовыхъ дѣлахъ земства. Вся управа in corpore была посажена въ тюрьму, той же участи подверглось большинство земскихъ служащихъ и учителей. Повсюду по Украинѣ стражники и шпионы стали искать людей, которые „объясняли манифестъ“, и прятать ихъ въ тюрьму, будь то помѣщикъ (М. С. Кононенко въ Радомысльск. уѣз., С. А. Коренева въ Лохвицкомъ), или даже лицо со связями (графъ Ламздорфъ въ Прилук. уѣз.). Крестьянскій союзъ подвергся особеннымъ преслѣдованіямъ. Члены комитетовъ и просто члены союза, ораторы, выступавшіе на земскихъ аграрныхъ совѣщаніяхъ, кандидаты въ выборщики и вообще сознательные крестьяне массами упрятавались въ тюрьмы даже только за то, что они читали газеты или ходили на собранія. Спеціалисты-усмирители въ родѣ Филонова или Шипина въ Полтав. губ., Мельникова въ Кіевской, Шрамченка въ Черниговской разбѣжали съ казаками и драгунами по селамъ и не останавливались передъ безчеловѣчно жестокими разстрѣлами и экзекуціями...

При такихъ обстоятельствахъ украинское населеніе готовилось къ

выборамъ. На первую попытку его сознательной политической дѣятельности правительство отвѣтило неслыханными репрессіями. Это однихъ заугало, другихъ озлобило, а въ общемъ революціонное движеніе было загнано внутрь. Въ селахъ и деревняхъ выборы проходили при вѣшнемъ спокойствіи. Ни многочисленныя собранія, ни горячія рѣчи не допускались, да и некому было произносить ихъ. Все болѣе или менѣе выдающееся, яркое, популярное въ провинціи было заключено въ тюрьмы или выслано на сѣверъ. Крайнія лѣвыя партіи были частью устранены правительствомъ, частью сами себя устранили, благодаря тактикѣ бойкота. И вотъ въ результатѣ сложнаго механизма волостныхъ и уѣздныхъ выборовъ въ губернскіе выборщики отъ крестьянъ попали большею частью рядовые, малоземельные крестьяне, объединенные ненавистью къ начальству и „панамъ“, жаждущіе земли, но, разумѣется, совсѣмъ не подготовленные къ трудному дѣлу политики и законодательства.

И вообще можно сказать, что главная масса населенія, голосовавшая въ крестьянской куріи, хотя и была настроена несомнѣнно *оппозиціонно* къ существующему порядку вещей, но выборы производила безъ надлежащаго представленія о задачахъ и нравахъ представительнаго учрежденія, о программахъ и группировкахъ партій. Колоссальная работа политическаго воспитанія массъ, которымъ надо было сообщить самыя элементарныя свѣдѣнія о конституціонномъ строѣ, была прервана въ самомъ началѣ. Казацкія нагайки, аресты и высылки могли озлобить населеніе, но сообщить ему нужныхъ свѣдѣній не могли. Сплошь и рядомъ приходилось встрѣчаться съ представленіемъ о Думѣ, какъ о царскомъ совѣтѣ, отъ котораго царь хочетъ выслушать всю правду и затѣмъ поступить такъ, какъ скажутъ выборные люди. О томъ, что Дума придется вести упорную борьбу съ правительствомъ, мало кто и думалъ. Наконецъ недовѣріе къ „пану“ только потому, что онъ одѣтъ въ нѣмецкое платье, ярко сказавшееся на сѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, да и въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, является слѣдствіемъ той же бессознательности, политической близорукости, въ силу которой люди различаютъ по платью, а не по защищаемымъ имъ программамъ.

Въ крестьянскихъ выборахъ совершенно не было обычной на Западѣ борьбы партій, такъ какъ въ деревнѣ не было *партійной* агитаціи. Лѣвыя партіи устранились, только что зародившаяся партія народной свободы укрѣплялась въ городахъ, для деревенской агитаціи у нея не было ни силъ, ни возможности. Такимъ образомъ вся „платформа“ крестьянъ-избирателей сводилась къ тому, чтобы вырвать малоземельныхъ, которые будутъ отстаивать интересы сель-

ской бѣдноты. Та же картина повторилась и на сѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Исключеніе было сдѣлано для нѣкоторыхъ популярныхъ земскихъ дѣятелей (Л. Н. Яснопольскій, И. Н. Присецкій, П. И. Чижевскій, Н. Н. Миклашевскій и др.), которыхъ выбрали въ уполномоченные, наряду съ десятками малоземельныхъ рядовыхъ крестьянъ. Интересно отмѣтить, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ мелкіе землевладѣльцы-крестьяне оказались въ такомъ подавляющемъ количествѣ, что ихъ уполномоченные на уѣздныхъ сѣздахъ землевладѣльцевъ превысили своей численностью крупныхъ помѣщиковъ и почти вездѣ провели губернскихъ выборщиковъ изъ своей среды, между тѣмъ въ югозападномъ краѣ на сѣздахъ землевладѣльцевъ преобладали крупные аграріи.

Совершенно иной характеръ носили выборы въ городахъ. Въ крупныхъ центрахъ—Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ,—которые посылали своихъ депутатовъ прямо въ Думу, агитація была поставлена на европейскую ногу. Оппозиціонное настроеніе избирателей всецѣло использовала партія народной свободы, самая лѣвая изъ участвовавшихъ въ выборахъ партій. Ее поддерживала на выборахъ внѣпартійная прогрессивная печать, за нее подавали голоса болѣе лѣвые избиратели. Партіей была развита колоссальная предвыборная агитація, рядомъ съ которой совершенно ступшевывались жалкія собранія правыхъ и черносотенныхъ партій, были устроены соглашения съ національными организаціями—еврейской, польской и украинской (въ Кіевѣ). Въ результатѣ подавляющее большинство городского населенія вполне сознательно голосовало за партію народной свободы, какъ рѣшительно борющуюся со старымъ режимомъ во имя свободы и полного политическаго обновленія. И только въ Екатеринославѣ, гдѣ не удалось соглашеніе „кадетовъ“ съ еврейской организаціей, на выборахъ голоса раздѣлились, прогрессивныхъ выборщиковъ оказалось меньшинство, и въ члены Думы попалъ реакціонеръ Спосібный, получившій всего на нѣсколько голосовъ больше кандидата народной свободы, извѣстнаго всей Россіи защитника Шмидта—присяжнаго повѣреннаго Александрова.

Въ городахъ менѣе крупныхъ, но все же значительныхъ, каковы Черниговъ, Полтава, Херсонъ, Блисаветградъ, Бахмутъ, Кременчугъ и друг., гдѣ существовали комитеты и вообще прочныя организаціи партій народной свободы, выборная кампанія проходила въ достаточной мѣрѣ сознательно и давала тѣ же, блестящіе для партіи результаты. Правда, собранія происходили значительно рѣже, агитація захватывала значительно меньшіе круги, чѣмъ въ крупныхъ центрахъ, и во многихъ мѣстахъ малосознательное городское мѣщанство либо относилось индиф-

ферентно къ выборамъ, либо шло на буксирѣ официальныхъ черно-сотенцевъ, агитировавшихъ за „истинно-русскихъ“ погромщиковъ. По помѣшать успѣху выборовъ это не могло.

Очень важную роль на городскихъ выборахъ сыграло въ юго-западномъ краѣ, да и въ другихъ мѣстахъ Украины, еврейское населеніе. Составляя во многихъ городахъ большинство, оно проявило необычную для русскаго населенія политическую активность, почти поголовно участвовало въ выборахъ и, будучи рѣзко оппозиціонно настроено, способствовало побѣдѣ либеральныхъ кандидатовъ, намѣченныхъ партіей народной свободы, особенно въ указанныхъ выше пунктахъ.

Значительно хуже обстояло дѣло тамъ, гдѣ не было партійныхъ организацій,—въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ и почти во всѣхъ мелкихъ уѣздныхъ городахъ Украины. На скорую руку создавались временные виѣспартійные комитеты, а въ большинствѣ случаевъ агитацію вели единолично выставлявшіе себя кандидатами въ выборщики. Оппозиціонное настроеніе царило повсюду, но въ надлежащія формы на выборахъ оно выливалось лишь тамъ, гдѣ находились дѣйствительно демократически настроенные и популярныя дѣятели. Въ Каменецѣ и Житомирѣ боролись между собою не партійныя организаціи и не партійные кандидаты, а кандидаты отдѣльныхъ національностей—еврейской, польской и русской, причемъ эти національныя организаціи даже не выставляли никакой опредѣленной политической программы. Въ большинствѣ уѣздныхъ захолустій юго-западнаго края еврейское населеніе старалось провести въ выборщики во что бы то ни стало только евреевъ, не желая довѣрить дѣло своего національнаго освобожденія никому другому. Отъ еврейскихъ кандидатовъ не требовалось никакой политической программы, такъ какъ казалось, что самая принадлежность къ еврейской національности служить достаточнымъ залогомъ въ томъ, что эти лица будутъ защищать интересы еврейской массы. Благодаря такой ошибочной политикѣ во многихъ городахъ въ выборщики попали мѣстные богачи, мало заинтересованные въ нуждахъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, и остались за флагомъ (какъ, напр., въ г. Новой-Ушицѣ Подольской губ.) почтенные дѣятели и истинные демократы, только потому, что они не евреи. Этой ошибкой между прочимъ объясняется непомѣрно малое представительство евреевъ отъ Украины (4 человекъ), тогда какъ пропорціонально процентному отношенію еврейскаго населенія ихъ должно было быть человекъ 10—12.

Были и такіе уѣздные города, гдѣ страхъ передъ черносотеннымъ и погромнымъ терроромъ былъ настолько силенъ, что никакой

агитаціи не было, выборы прошли незамѣтно и носили совершенно случайный характеръ, какъ, напримѣръ, въ Нѣжинѣ. Но въ общемъ выборщики отъ городовъ, явившіеся въ губернскія избирательныя собранія, представляли изъ себя не только наиболѣе оппозиціонные, но и наиболѣе политически зрѣлые элементы. Здѣсь были собраны всѣ выдающіеся мѣстные дѣятели „кадетскихъ“ комитетовъ и организацій, изъ которыхъ преимущественно намѣчались въ послѣдній моментъ кандидаты въ члены Думы.

Въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ за нѣсколько дней до выборовъ закипѣла та интенсивная *партийная* агитація, въ которую въ европейскихъ странахъ вовлекаются не десятки и сотни выборщиковъ, а милліоны рядовыхъ избирателей. Участіе выборовъ рѣшили крестьянскіе выборщики. Они прежде всего выдвинули своихъ если не „вождей“—это слишкомъ громко,—то во всякомъ случаѣ „излюбленныхъ людей“, а затѣмъ, какъ ни велико было ихъ предвѣріе къ „панамъ“, они (особенно въ послѣдній рѣшительный моментъ) поддержали своими голосами тѣхъ „пановъ“, которые въ горячихъ рѣчахъ обѣщали стоять за права народа и его свободу. И только въ Подольской, Воынской, отчасти Полтавской губ. въ члены Думы попали обыкновенные, сѣрые крестьяне, еще наканунѣ ничѣмъ не выдѣлявшіеся изъ тысячъ своихъ земляковъ, и совсѣмъ не подходившіе къ роли активныхъ политиковъ. Но и эти безгласные и даже безграмотные депутаты ничѣмъ не могли порадовать правительства. Они очень скоро, разобравшись въ положеніи дѣлъ, или вошли въ составъ трудовой группы, или во многомъ ей сочувствовали. Ни одинъ крестьянскій депутатъ Украины не попалъ въ руки реакціи, да и вообще крестьянскіе голоса (за исключеніемъ Воыни, о которой будетъ рѣчь особо) не провели въ члены Думы ни одного реакціонера. Всѣ старанія правительства остановить ростъ политической сознательности крестьянства, занугать его, возвратитъ въ состояніе покорно голосующаго стада,—не привели ни къ чему. Украинскіе крестьяне въ такой же степени, какъ и великорусскіе, всѣми силами способствовали созданію въ лицѣ Думы орудія великаго народнаго гнѣва. Крестьянство, посланное на выборы правительствомъ, чтобы проклясть освободительное движеніе интеллигенціи, подобно пророку Валааму, благословило его на трудный подвигъ борьбы за свободу.... Да послужитъ это незабываемымъ урокомъ на будущее!

Прежде чѣмъ перейти къ детальному разсмотрѣнію контингента депутатовъ, который послала въ Думу территорія Украины, намъ хотѣлось бы отмѣтить рѣзко бросающееся въ глаза различіе между общимъ составомъ депутатовъ земской и не-земской части Украины.

Среди первых мы встрѣчаемъ имена дѣятелей, давно извѣстныхъ всѣмъ, кто слѣдитъ за жизнью этой части Украины. Это болышею частью давніе лидеры либеральной оппозиціи земскихъ собраній, члены „союза освобожденія“, затѣмъ предсѣдатели и члены комитетовъ партіи „народной свободы“ или же дѣятели такъ называемаго земскаго „третьяго элемента“, безкорыстно и горячо много лѣтъ служившіе народу. Даже крестьянство выбрало здѣсь изъ своей среды болѣе или менѣе выдававшихся чѣмъ-либо людей и до минимума ограничило число заурядныхъ сельскихъ обывателей. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена и члена земской управы, и горячаго украинскаго патріота, произнесшаго интересную рѣчь на родномъ языкѣ на III съѣздѣ к.-д. партіи, и дѣятеля крестьянскаго союза, и, наконецъ, извѣдавшаго всѣ превратности судьбы шахтера, — социаль-демократа, горячаго защитника правъ рабочаго люда. Все это если и не настоящіе политическіе дѣятели, то во всякомъ случаѣ люди незаурядные.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ даже одинъ списокъ именъ депутатовъ Юго-западнаго края. Прежде всего мы наталкиваемся здѣсь на единственную во всей Россіи губернію — Подольскую, пославшую въ Думу двѣнадцать самыхъ обыкновенныхъ рядовыхъ крестьянъ, изъ которыхъ двое даже неграмотны. Какъ ни скуденъ былъ политическими дѣятелями составъ выборщиковъ Подольской губерніи, но все же и тамъ были люди, неизмѣримо болѣе цѣнные и нужные для дѣла свободы, чѣмъ избранные депутаты. Затѣмъ волынскіе выборы, на которыхъ крестьянскіе выборщики были предварительно заключены въ монастырь подъ надзоръ какого-то сомнительнаго достоинства черносотенца въ рясахъ и ограждены полицейскимъ кордономъ отъ сношенія съ прочими выборщиками... Неудивительно послѣ этого, что въ депутаты отъ Волыни попали пять крупныхъ помѣщиковъ, священникъ-реакціонеръ, да семь малосознательныхъ крестьянъ. Преступленія администраціи во время выборовъ были настолько очевидны, что Дума со дня на день должна была кассировать волынскіе выборы. Все это показываетъ удивительную малосознательность, отсутствіе какого-то ни было политическаго воспитанія и политической организованности у подольскихъ и волынскихъ крестьянъ. Какъ ни далеко было отъ населенія русское земство, но все же оно, какъ показываютъ факты, было первоначальной школой политической дѣятельности, оно дало толчекъ политической организации крестьянства и хоть немного подняло его сознательность. А юго-западный край, этотъ богатѣйшій край, гдѣ „все обильемъ дышетъ“, былъ лишенъ какой-бы то ни было самодѣятельности, какого

бы то ни было самоуправленія и отданъ въ управленіе обрусителямъ—бюрократамъ. И вотъ плоды...

Переходимъ къ разсмотрѣнію состава депутатовъ.

Указанныя нами выше 8 губерній послали въ Думу 95 депутатовъ. По *національностямъ* они распределяются такимъ образомъ:

украинцевъ	63
великороссовъ и совершенно обрусѣвшихъ	22
поляковъ	5
евреевъ	4
нѣмцевъ-колонистовъ	1

Если мы раздѣлимъ эти 8 губерній на три района, то національная группировка депутатовъ представится въ такомъ видѣ:

Лѣвобережная Украина—Черниговская, Полтавская и Харьковская губерніи—выбрала:

украинцевъ	24
великороссовъ и обрусѣвшихъ	8
евреевъ	1

Правобережная Украина (Юго-западный край)—Кіевская, Подольская и Волинская губерніи—выбрала:

украинцевъ	29
великороссовъ и обрусѣвшихъ	6
поляковъ	5
евреевъ	2

Новороссія—Херсонская и Екатеринославская губерніи—выбрала:

украинцевъ	10
великороссовъ и обрусѣвшихъ	8
евреевъ	1

Въ частности евреевъ, принадлежащихъ къ городской интеллигенціи, послали губерніи: Кіевская (2), Полтавская (1) и Екатеринославская (1). Въ Думѣ они заняли рѣзко оппозиціонное положеніе и раздѣлились между трудовой группой и партіей народной свободы. Поляки, избранные отъ Кіевской (2) и Волинской (3) губерній, принадлежатъ къ аграріямъ и въ Думѣ въ общемъ проводили очень умѣренную политику, а въ земельномъ вопросѣ заняли рѣзко реакціонную позицію. Представителей поляковъ—крестьянъ и рабочихъ въ Думѣ, къ сожалѣнію, не было.

Кто такіе по своему соціальному положенію украинцы, поавшіе въ Думу? Это прежде всего крестьяне (40 челов.), рабочіе, вышедшіе изъ крестьянъ (8 челов.), лица интеллигентныхъ профессій, вышедшіе изъ украинскаго крестьянства и, наконецъ, немногочисленные представители украинской интеллигенціи и украинскихъ помѣщичьихъ родовъ. Подавляющее большинство интеллигенціи и либеральнаго дворянства, откуда преимущественно выбирались кандидаты въ члены Думы, на Украинѣ принадлежитъ либо къ пришлымъ элементамъ, либо окончательно обрусѣло и порвало всякія связи съ украинскою національностью. Значительное большинство украинскаго элемента среди членовъ Думы объясняется тѣмъ, что большая половина ихъ состояла изъ крестьянъ и рабочихъ. Нѣсколько украинскихъ интеллигентовъ, попавшихъ въ Думу выбирались не какъ украинцы, а какъ принадлежащіе къ партіи народной свободы и борющіеся за общерусское освобожденіе. Национальной украинской программы—въ видѣ автономіи и областного сейма—не было выставлено на выборахъ.

Подводя итоги, мы увидимъ, что по своему *соціальному* положенію депутаты съ территоріи Украины могутъ быть расиредѣлены такимъ образомъ:

землевладѣльцевъ	21
священниковъ	1
крестьянъ	40
рабочихъ (изъ крестьянъ)	8
интеллигентныхъ профессій	25

Если изъ числа землевладѣльцевъ исключить пять воынскихъ депутатовъ, одного Кіевскаго (Горватъ), одного Харьковскаго (Фирсовъ) и двухъ Херсонскихъ (Варунъ-Секретъ и Байдакъ), то главное ядро землевладѣльцевъ, поавшихъ отъ Украины въ Думу, составляли люди, сознательно стремящіеся къ новому демократическому и свободному строю Россіи, отстаивающіе широкую земельную реформу, связанную, быть можетъ, съ исчезновеніемъ крупныхъ земельныхъ владѣній. Это все извѣстныя имена земскихъ либераловъ, почетенныхъ, уважаемыхъ дѣятелей „земскаго союза конституціоналистовъ“ и „союза освобожденія“. Ихъ позицію можно хорошо охарактеризовать словами, которыми закончилъ свою рѣчь членъ Думы Свѣчинъ на прелвыборномъ собраніи въ Черниговѣ о принудительномъ отчужденіи: „Вамъ странно, господа, что я, крупный богатый землевладѣлецъ, высказываю такія воззрѣнія; объясню: вамъ надобѣли земскіе начальники, а мнѣ—губернаторы. *Лучше откажутся*

отъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ благъ, но жить въ свободной странѣ“.

Свободолюбивая, демократическая интеллигенція всегда составляла главную организующую силу русскаго освобожденія. Та группа въ 25 человекъ, которая попала въ Думу отъ Украины, за исключеніемъ реакціонера Способнаго, представляетъ изъ себя одно цѣлое, охваченное стремленіемъ къ свободѣ и лучшему будущему. Она вошла въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей въ парламентскую фракцію партіи народной свободы и трудовую группу, и члены ея оказались тамъ одними изъ лучшихъ ораторовъ и работниковъ.

Партийная позиція рабочихъ, примкнувшихъ къ с.-д. фракціи — ясна. Нѣсколько труднѣе выяснитъ партийную физиономію 40 украинскихъ крестьянъ. До прибытія въ Петербургъ они были безпартийными; очень немногіе еще на выборахъ примкнули къ партіи народной свободы. Но во время думской сессіи ихъ политическіе взгляды выяснились, и они стали примыкать то къ трудовой группѣ, то къ „кадетамъ“. Во всякомъ случаѣ всѣ они настроены оппозиціонно, жаждутъ земельной реформы и готовы грудью стоять за свободу, хотя нѣкоторые и не примкнули къ опредѣленной партіи.

Цифровыя данныя, какими мы располагаемъ о партийной группировкѣ депутатовъ отъ Украины, сводятся къ слѣдующему:

32 члена партіи народной свободы, 2—партіи демократическихъ реформъ, 4—соціал-демократа, человекъ 20—25 (точныхъ свѣдѣній не имѣется), принадлежащихъ къ трудовой группѣ, 20—25 безпартийныхъ и 12 человекъ правыхъ партій.

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что сознательныхъ консерваторовъ, враговъ новой свободной, демократической Россіи отъ Украины попало въ Думу всего нѣсколько человекъ. Огромное большинство ея депутатовъ всѣми силами стремилось къ утвержденію политической свободы и демократическихъ началъ. 47 изъ нихъ, т.-е. ровно половина, подписали извѣстное Выборгское воззваніе.

Дѣятельности депутатовъ отъ Украины въ Думѣ мы посвятимъ слѣдующую статью.

Обозрѣватель.

Изъ поѣздки по Украинѣ.

II.

Меня очень интересовало, какъ смотрятъ крестьяне на проектъ нашихъ лѣвыхъ партій о, такъ называемомъ уравнильно-трудопомъ ипользованіи землею. Можетъ быть, случайно я сталкивался съ одно-сторонне настроеннымъ крестьянствомъ; но я не могу отмѣтить ни одного случая сочувственнаго отношенія къ этой программѣ социаль-революціонеромъ во всемъ ея цѣломъ. Мало того, изъ разговоровъ по этому поводу я могъ сдѣлать заключеніе, что самая возможность серьезнаго проведенія этой программы въ жизнь не допустима. Мои попытки объяснить сущность понятія о потребительной нормѣ, выяс-нить стремленіе защитниковъ этой программы обезпечить для каждаго столько земли, чтобы, прилагая къ ней свой трудъ, крестьянинъ полу-чалъ то, что необходимо для его существованія, но не больше, вызы-вали недоумчивыя покачиванія головой и замѣчанія вродѣ: „А какъ это узнать, сколько каждому чего надо? Хорошій урожай—въ хатѣ недостатокъ, и всего больше требуется. Даже ѣсть каждый какъ то больше. Урожай плохъ, и намъ плохо“. Когда же я упоминалъ о томъ, что, по той же программѣ, все излишне вырабатываемое сверхъ того, что нужно для удовлетворенія необходимыхъ потребностей, должно идти на общегосударственныя нужды, разочарованіе замѣчалось на лицѣ моихъ собесѣдниковъ и высказывалось предположеніе, что, зна-чить налоги будутъ не меньше нынѣшнихъ.

Особенно мало популярна, по видимому, идея о необходимости при новыхъ порядкахъ, проектируемыхъ программой С.-Р., обрабатывать землю исключительно руками своей семьи, безъ права пользоваться

для этой цѣли наемнымъ трудомъ. Эта мысль не укладывается въ головахъ не только состоятельныхъ крестьянъ, которые естественно уже привыкли къ употребленію въ своемъ хозяйствѣ „наймитовъ“, но даже у сельской бѣдноты.—Какъ же такъ?—приходилось мнѣ слышать—а если во время уборки заболѣешь? что же, хлѣбу пропадать?—„Ну, а если запоздаешь съ уборкой, а хлѣбъ перезрѣлъ... развѣ же можно дать ему осыпаться?“

Что касается самой идеи о томъ, что „земля—ничья“; что она „должна быть изъята изъ торговаго оборота“,—то индивидуалисту-украинцу очень трудно усвоить эту идею. И когда онъ соглашается съ вами въ этомъ пунктѣ и повторяетъ за вами, что „земля—ничья“, то такъ и кажется, что это отрицаніе онъ имѣетъ въ виду направить только противъ тѣхъ, кто владѣетъ тысячами десятинъ, но не противъ себя самого и тѣхъ, кто не располагаетъ и тремя десятинами. Онъ не прочь также поддерживать мысль объ изыятіи земли изъ торговаго оборота, но только той земли, которая принадлежит ему. Чужую же землю, особенно помѣщичью, онъ даже теперь очень охотно покупаетъ; и при томъ—въ довольно широкихъ размѣрахъ, гдѣ обстоятельства этому благоприятствуютъ, т. е. гдѣ можно купить не черезъ крестьянскій Банкъ. Въ этомъ отношеніи необходимо остановиться на одномъ изъ способовъ покупки земли, практикуемомъ въ Гадячскомъ уѣздѣ. Здѣсь большую услугу крестьянамъ оказываетъ существующее въ гор. Гадячѣ кредитное товарищество. Почти съ первыхъ шаговъ своего существованія оно начало выдавать крестьянамъ ссуды на покупку земель. Ссуды выдаются не въ полной суммѣ стоимости покупаемой земли, а въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$. Каждымъ заемщикомъ покупается такимъ образомъ не болѣе 2—3 десятинъ, и обыкновенно черезъ 3 года долгъ товариществу выплачивается, а заемщикъ-членъ товарищества дѣлается собственникомъ того участка земли, который даетъ ему возможность спокойнаго существованія. По увѣренію предсѣдателя Совѣта товарищества, г. Б., благосостояніе населенія, прибѣгающаго при содѣйствіи товарищества въ покупки земли, сильно возрастаетъ. Вѣда лишь въ недостаткѣ средствъ и въ отсутствіи въ распоряженіи Центральнаго Управленія, вѣдающаго

дѣла мелкаго кредита, особыхъ фондовъ на выдачу учрежденіямъ мелкаго кредита долгосрочныхъ ссудъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ безусловно необходимыхъ.— „Дайте намъ средствъ“—говорилъ тотъ же г. Б.— „и мы разрѣшимъ у себя аграрный вопросъ безъ всякаго принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель“.

Къ мысли о предполагаемомъ образованіи общаго государственнаго земельного фонда крестьяне относятся, повидимому, безразлично. Ихъ больше интересуетъ способъ распредѣленія земель этого фонда. Возможность получить изъ него землю въ безсрочное личное владѣніе ихъ вполне удовлетворяетъ. О томъ, что право собственности на землю имъ принадлежать не будетъ, они не беспокоятся, можетъ быть, потому, что надъ этимъ не задумываются; но вѣрнѣе—потому, что считаютъ безсрочное владѣніе идентичнымъ съ правомъ собственности.

Что касается „смутныхъ“, по утвержденію нѣкоторыхъ, представленій крестьянъ о количествѣ земли вообще и о степени возможности удовлетворить ихъ земельныя нужды, а также объ ихъ видахъ на будущее, то по этому поводу мнѣ удалось говорить съ нѣкоторыми земцами и между прочимъ — съ однимъ весьма энергичнымъ и дѣльнымъ земскимъ агрономомъ Кіевской губерніи, человѣкомъ весьма умѣреннаго образа мыслей.— „Въ массѣ—говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ— „крестьяне прекрасно понимаютъ, что количество земли ограничено и что увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія не можетъ совершаться періодически, черезъ извѣстные промежутки времени. Но, безспорно, имѣются еще отдѣльные крестьяне, быть можетъ, даже общества, у которыхъ по этому вопросу нѣтъ ясныхъ представленій.. Но это рѣдкія исключенія. И если крестьяне не вполне сознаютъ истинную сущность аграрнаго вопроса у насъ,—на Украинѣ, то мы—мѣстные интеллигенты—ясно видимъ, что первый вопросъ у насъ не увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, а поднятіе интенсивности обработки земли. Правда, во многихъ мѣстностяхъ Полтавской, Кіевской, Черниговской, даже Волынской губерній надѣлы ничтожны; земли очень мало; и ея надо прибавить тѣмъ или инымъ способомъ.

Но одновременно же надо позаботиться о поднятіи ея доходности, о большей ея урожайности. А для этого нужны, во 1-хъ, агрономическая организація, во 2-хъ, развптая система мелкаго кредита и въ 3-хъ, реформированное и въ ширь и въ глубь земство.—„А главное перебилъ другой мой собесѣдникъ,—это наличность всякихъ свободъ. Безъ этихъ свободъ ничего сдѣлать нельзя; а если бы они были—даже и при нынѣшнемъ земствѣ можно было бы кое что сдѣлать. Вотъ Вамъ доказательство: кievское губернское земство—рахиичное дѣтище покойнаго Плева... Но, не смотря на это, оно уже намѣтило рядъ мѣропріятій, осуществленіе которыхъ принесло бы большую пользу населенію. Для разсмотрѣнія важнѣйшихъ изъ этихъ мѣропріятій въ маѣ въ Кіевѣ былъ устроенъ при губернской земской управѣ съѣздъ мѣстныхъ людей и земскихъ дѣятелей, которые, совмѣстно съ экономическимъ совѣтомъ губернскаго земства, пришли къ весьма важнымъ и любопытнымъ рѣшеніямъ. Такъ, постановлено широко развить въ губерніи агрономическую помощь населенію. Признано нужнымъ принять мѣры къ улучшенію кустарныхъ производствъ и къ организаціи мелкаго кредита, съ которымъ тѣсно связаны не только возможность для населенія получать на необременительныхъ условіяхъ средства для расходовъ по хозяйству, но и степенъ успѣшности проведенія въ жизнь разнаго рода мѣръ по улучшенію обработки земли, большей доходности послѣдней и проч. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что постановленія этого съѣзда—въ частности относительно мелкаго кредита—отличаются высокой цѣлесообразностью и глубокимъ пониманіемъ дѣла. Такъ, было рѣшено, что изъ существующихъ учрежденій мелкаго кредита должно быть отдано предпочтеніе ссудо-сберегательнымъ и кредитнымъ товариществамъ, какъ учрежденіямъ всесословнымъ; возникновеніе же сельскихъ банковъ и подобныхъ имъ сословныхъ учрежденій—признано нежелательнымъ. Было признано желательнымъ устройство губернскимъ земствомъ земской кассы мелкаго кредита, при чемъ въ основной фондъ этой кассы могли бы быть переданы значительныя суммы свободныхъ средствъ изъ страховыхъ и продовольственныхъ капиталовъ. Съѣздъ нашелъ также полезнымъ издать популярную брошюру о мелкомъ кредитѣ на

украинскомъ и русскомъ языкахъ; учредить при земствѣ должность инструктора по мелкому кредиту; а также для успѣха дѣла устраивать періодическія сѣзды по мелкому кредиту.

Нельзя не замѣтить, что такое, повидимому, естественное рѣшеніе, какъ необходимость изданія брошюръ по мелкому кредиту на *украинскомъ* языкѣ прошло не вполне гладко. Замѣчаніе, правда не принципиальное, а частнаго характера, послѣдовало отъ крестьянина. Онъ высказалъ опасеніе, что, быть можетъ, при непривычкѣ крестьянъ читать по-украински имъ трудно будетъ разобраться въ незнакомомъ вопросѣ, если онъ будетъ *напечатанъ* по-украински, особенно его смущали наши „і“ и „и“, правильное произношеніе которыхъ еще далеко не всѣми усвоено въ деревнѣ. Это замѣчаніе ясно показало, какихъ страшныхъ успѣховъ достигла вѣковая политика, которую такъ послѣдовательно вело русское правительство, и какъ во время прекратились гоненія противъ украинскаго печатнаго слова...

— Итакъ, вы надѣетесь, что осуществленіемъ въ жизни тѣхъ началъ, которыя ведутъ къ улучшенію производительности земли, развитію мелкаго кредита, поднятію просвѣщенія—вы устраните нынѣшнія горести народа?—спросилъ я одного изъ земскихъ дѣятелей, человѣка, не склоннаго къ „принудительному отчужденію“ земли.— „Конечно, да. Но наше постановленіе, наше желаніе осуществить все это—ничего не стоятъ. Пока у насъ нѣтъ хоть относительной свободы собраній, свободы слова, мы безсильны что-либо сдѣлать. Для того, чтобы склонить крестьянъ перейти на многополье, надо много и долго съ ними бесѣдовать. Чтобы ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества возникали въ значительномъ количествѣ, надо также собирать крестьянъ, разъяснять имъ пользу этихъ товариществъ и способъ ихъ устройства. А ни то ни другое у насъ не мыслимо.— „У насъ, въ Черниговской губерніи“, говорилъ мнѣ одинъ почтенный земскій агрономъ—„существуетъ совершенно готовая, между прочимъ—и для указанной выше цѣли—организациія—въ лицѣ губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ. Но всѣ они сидятъ теперь по своимъ угламъ, такъ какъ при всякомъ ихъ выѣздѣ въ деревню за

ними слѣдуютъ соглядатаи, готовые разогнать всякое собраніе, со- званное даже въ цѣляхъ самой мирной бесѣды.

— „Что же дѣлать“, замѣгилъ одинъ почтенный земець, если характеръ и дѣятельность, такъ называемаго „третьяго элемента“ съ точки зрѣнія земства, съ одной стороны, и высшей губернской администраціи, съ другой—діаметрально противоположны. Отсюда понятно, что всѣ попытки перваго использовать этотъ элементъ въ цѣляхъ поднятія самосознанія крестьянства, разбиваются о недовѣріе второй къ истиннымъ намѣреніямъ земскихъ служащихъ по найму.

Наконецъ, не могу не остановиться на тѣхъ впечатлѣніяхъ, ко- торыя остались у меня въ результатѣ разговоръ объ *автономіи Украины*. Мнѣ пришлось говорить по этому поводу съ нѣкоторыми представителями интеллигентной Украины, и почти всегда я убѣ- ждался, что эта идея еще далеко не созрѣла—я не скажу *въ массу*, потому что съ крестьянами я объ этомъ не говорилъ,—но по край- ней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ украинцевъ. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Но по тѣмъ даннымъ, которыя у меня имѣются, можно утверждать, что очень многіе не раздѣляютъ мысли о жела- тельности автономіи, не потому, что принципиально считаютъ ее не- желательной, а потому, что понятіе автономіи далеко не всѣмъ пред- ставляется яснымъ и опредѣлительнымъ.—„Помилюйте“, говорилъ мнѣ одинъ мой собесѣдникъ—„автономія поведетъ только къ из- лишней волокитѣ. Мало-мальски серьезный вопросъ, касающійся Украины, но затрагивающій и интересы всей Имперіи, (а таковы почти всѣ вопросы) должны будутъ разсматриваться въ украинскомъ сеймѣ, затѣмъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Со- вѣтѣ!.. На это потребуются мѣсяцы и годы.

— „Автономія“—говоритъ другой—„это лишніе хлопоты и рас- трата національной энергіи: начнемъ думать о своемъ войскѣ, своей монетѣ, своихъ таможнякъ, быть можетъ, даже своихъ дипломатиче- скихъ представителяхъ; обложимъ народъ новыми налогами и будемъ горѣть, волноваться и растрчивать силы, Богъ знаетъ, на что— если, конечно, не считать сепаратныя стремленія идеаловъ, ради достиженія котораго нечего жалѣть этихъ силъ“

И только послѣ того, какъ я пытался разъяснить недоразумѣніе, указывая на то, что автономія въ томъ видѣ, какъ она представляется въ программѣ нашихъ прогрессивныхъ партій, не имѣетъ въ виду созданіе для Украины своей монеты, своихъ таможенъ и дипломатическихъ представителей; что желаніе сторонниковъ автономіи, чтобы отбытіе воинской повинности уроженцами Украины происходило не въ другихъ областяхъ, не въ другихъ частяхъ Россіи, иногда удаленныхъ отъ родины новобранца на тысячи верстъ, а на самой Украинѣ, не есть намѣреніе имѣть собственное войско; что осуществленіе стремленія, чтобы средства, собираемая съ населенія Украины, расходовались, главнымъ образомъ, на ея же нужды, поведетъ къ уменьшенію, а не увеличенію налоговъ; наконецъ, что предполагается отмежевать извѣстную область мѣстной жизни, которая будетъ пормироваться сеймовымъ законодательствомъ, безъ высшей санкціи общенародныхъ законодательныхъ учрежденій, — только послѣ этого противники украинской автономіи значительно понижали тонъ своихъ возраженій и даже находили въ такой автономіи свои хорошія стороны.

Такіе быстрые переходы отъ одной точки зрѣнія къ другой, лишній разъ убѣдили меня въ томъ, что политическія программы, по существу вполне умѣренные, часто встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны лицъ, которыя должны бы имъ сочувствовать, только потому, что эти лица не достаточно знакомы съ такими программами. Особенно вѣрно это, что касается вопроса объ автономіи Украины, который многихъ пугаетъ и отталкиваетъ въ виду его неясности и неопредѣленности. И—дѣло всѣхъ, заботящихся о лучшемъ будущемъ Украины, формулировать сущность этого вопроса вполне опредѣленно, не только въ главнѣйшихъ его положеніяхъ, но и въ деталяхъ, и возможно шире распространять истинныя понятія о намѣреніяхъ нашихъ автономистовъ среди населенія.

С. Бородаевскій.

P. S. Я только что окончилъ свои впечатлѣнія изъ моей недавней поѣздки на родину, какъ узналъ тяжелую вѣсть о роспускѣ Думы. Въ первую минуту меня охватило отчаяніе; надежды на бли-

зость лучшихъ временъ для Россіи, и въ частности для Украины, потускнѣли, и мысль о необходимости популяризовать идею автономій нашихъ окраинъ, какъ будто, потеряла свой смыслъ, свое значеніе. Но это было недолго. Въ слѣдующую же минуту отчаяніе смѣнилось увѣренностью въ скоромъ наступленіи болѣе свѣтлыхъ дней. Вѣрится еще въ мощь пробуждающихся народовъ Россіи, вѣрится въ то, что они добьются свободы! И, чтобы гражданамъ, которымъ вновь предстоитъ избирать своихъ довѣренныхъ въ Думу, были ясны тѣ особенности программъ прогрессивныхъ партій, которыя своей неопредѣленностью нерѣдко останавливаютъ ихъ подавать свой голосъ за представителей этихъ именно партій, намъ съ удвоенной энергіей надо приняться за выясненіе передъ массами этихъ особенностей и прежде всего по вопросамъ—аграрному и автономіи.

С. Б.

Передплата на 1906 рік.

Рідний Край

Часопись політична, економічна, літературна і наукова.

виходить в 1906 році раз на тиждень, въ форматі тижневих журналів по 16—20 сторін.

У часописі заведені ось які відділи:

1. Що потрібно для нашого народу, особливо для селян хліборобів і всіх трудящих людей.
2. Що діється на Україні, також в Галичині й на Буковині.
3. Що діється въ цілій Росії. Звістки з столиць.
4. Що діється по чужих землях, що есть там доброго, що й нам би годилося.
5. Звістки й листи з городів і сел (про земства, товариства про все що діється доброго і лихого).
6. Наукові статті і звістки (історія, література, медицина, ветеринарія, сільське хазяйство, промисли: і т. д.)
7. Оповідання, вірші, фелъетон.
8. Дрібні звістки (про заробітки торги, ціни і т. д.),
9. Бібліографія.—Запитання читателів і відповіді редакції про всякі діла: судові, хазяйські та иньші.
10. Оповідкі усякі.

Передплата за часопись на рік 3 карбованці, на місяць 35 коп. з пересилкою, окремі числа по 8 коп., додатки по 3 коп. безъ пересилки. За кордон на рік 5 карб. Окремі числа за кордоном по 10 коп.; на вокзалах залізниць теж по 10 коп.

Книгарям комісійних за передплату на рік 5⁰/о. За продаж окремих №№—25⁰/о, за кордоном 30⁰/о.

Листи і гроші засилати треба під адресою: Полтава, Протопоповська ул., д. Оксюза, № 41, (біля пошти) до редакції часописі „РІДНИЙ КРАЙ“.

Просимо усіх прихильників і читателів наших надсилати нам звістки про діяльність земств, городських дум, усяких товариств і організацій, звістки про постанови сільських і волостнихъ сходів, селянських спілок і иньші новини.

Редактори одвічальні: } М. Дмитрієв.
Гр. Коваленко.

Видає Гр. Маркевич.

Рік видання перший

ГРОМАДСЬКА ДУМКА

газета політична, економічна і літературна, виходить у Києві щодня, окрім понеділків.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА дає щоденний огляд життя політичного, громадського, економічного і літературного на Україні, в Росії й по чужих землях: звістки про всякі світові події, цікаві нашим людям; поезії та оповідання, наукові фельєтони і т. и.

Співробітників „Громадської Думки“: проф. Антонович В., Балабуха С., Бондаренко Ів., Боржковський В., Василенко М., Верзилов А., Винниченко Вол., Волох С., Вороний М., Ганейзер Е., Гнатюк В., Грінченко Б., Грінченко М. (Загірня), Григоренко Гр., проф. М. Грушевський, Грушевський Ол., Дмитрієв М., Дніпрова-Чайка, Доманицький В., Дорошенко В., Дорошенко Д., ефремова С., Жебуньов Л., Житецький П., Квасницький є., Квітка К., Коваленко Гр., Козловський В., Комаров М., Комарова Г., Конощенко А., пр.-доц. Корчак-Чекурковський А., Коцюбинський М., Кошовий В., проф. Кримський А., Левіцький М., Леонтович В., Лива Ів., Липковський С., Лисенко М., Лисовський Ол., Лозинський М., Лотоцький Ол., Матовий О., Маркович Д., Матушевський Ф., Мирний П., Мировець В., Науменко В., Падалка Л., проф. Перетц В., проф. А. Погодин, Русова С., Русов С., Самійленко В., Сивенький, Славінський М., Сластьон О., Смуток П., Гр. Сьогобочній., Степаненко В., Тимченко є., Туган-Барановський М., Франко Ів., Чернявський М., Чикаленко є., Штраг І., Явовська Л., Ярошевський В., та інші.

Ціна газеті **Громадська Думка** на рік 4 карб., на пів року 2 карб., на 3 місяці 1 карб., на 1 місяць 50 коп. з пересилкою. За кордон: на рік 9 карб., на пів року 4 карб. 50 коп. Адреса редакції і головної контори **Громадської Думки**—у Києві, Михайлівська у., ч. 10. Телефон 1458. Предплачувати „Гр. Д“ і „Нов Гр.“ можна також в книгарні „Кіевской Старини“ у Києві, Безаківська ул., ч. 14, у Львові можна предплачувати в Книгарні Наукового Товариства ім. Шевченка, ул. Театральна, ч. 1.

Видає і за редакц. відповід. *Володимир Леонтович.*

НОВА ГРОМАДА

літературно-науковий місячник, виходить з Январа року 1906.

НОВА ГРОМАДА містить твори красного письменства (поезії, оповідання, повісті, драматичні твори), наукові й публіцистичні статі, огляди політичного і громадського життя на Україні й по-за її межами і т. и.; виходить що-місяця книжками по 10 аркушів друку.

Ціна з пересилкою на рік 6 карб.; за кордон—8 карб. 50 коп.; окремо книжка коштує 75 коп.

Адреса редакції „Нова Громада“—у Києві, Михайлівська ул., ч. 10. Телефон 1458.

Видає і за редакц. відповід. *Володимир Леонтович.*